

Татьяна Михайловна Василевская
Дом у скалы. Все
остальное – декорации

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39423280

SelfPub; 2018

Аннотация

Не детективное продолжение детективной истории. Расследование закончено, но остались вопросы, не имеющие отношения к произошедшему преступлению. Героям предстоит разобраться в себе и в своих взаимоотношениях друг с другом. "Дом у скалы. Ангел, который меня оберегает" – детектив, но в то же время, а возможно и в первую очередь – книга о любви. "Все остальное – декорации" рассказывает о том, как порой сложно сделать шаг навстречу друг другу.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	48
Глава 7	54
Глава 8	86
Глава 9	96
Глава 10	103
Глава 11	108

Один человек не должен становиться целым миром. Но бывает так, что без одного человека целый мир становится пустым и ненужным.

Глава 1

– Почему ты грустная?

Ольга оторвалась от созерцания чашки с кофе, в которой она уже несколько минут помешивала ложечкой сахар.

– Я не грустная. Просто задумалась, – улыбнулась она.

– А мне кажется, грустная, – настойчиво сказал Ярик. – Ты и вчера была грустная. И до этого.

По-детски наивная мордашка с яркими голубыми глазами была обращена к матери. Лицо младшего сына выражало упрямство и твердую решимость получить ответ на заданный им вопрос.

– Все нормально, я не грустная, – она потрепала белобрысую макушку. – Ешь, а то в школу опоздаете. Вон Сережка уже все съел.

Сергей демонстративно показал брату пустую тарелку и заодно длинный розовый язык.

– Не будешь есть, останешься таким мелким противным гномом. Навсегда! – страшным голосом сказал старший брат.

– Отстань! Сам ты гном! Мам, скажи, что он врет!

– Нет, не вру.

– Все, прекратите. Ярослав, доедай. В какой-то степени, Сережа прав. Чтобы нормально расти, нужно хорошо есть. А ты, прекрати дразнить брата, – строго посмотрев на гор-

до выпятившего грудь, и высунувшего язык Сережу, сказала Ольга.

Ярик с неприязнью заглянул в тарелку. Гадость! Размазав кашу равномерно, что бы казалось, что ее стало меньше, он отдал тарелку матери.

– Ярик! Ты вообще ничего не съел. Безобразие! Все, поехали. Завтра все съешь, понял? Один ты у меня замечательный, послушный и к тому же не болтающий всякий вздор, – потрепав, по мохнатой белой шерсти, ткнувшегося в руку Айка, сказала она.

Выехав из гаража, Ольга бросила быстрый взгляд на дом. Ей, странным образом, почти по-детски, казалось, что большой темный дом с огромными окнами является связующей ниточкой между ней и человеком, который занимал в данный момент в ее мыслях основное место.

Проезжая мимо поселка, Ольга заметила идущего по дороге Диму Рогозина, местного участкового. И, по совместительству, бывшего кавалера Инны, старшей дочери.

– Привет! – высунувшись из окна, окликнула она. Участковый расплылся в улыбке. – Ты чего пешком?

Дима развел руками.

– Машина сломалась. Сегодня на своих двоих придется побегать. Ничего, полезно для здоровья, – засмеялся он.

– Садись, подвезу. Ты сейчас куда?

Дима уселся в машину. Пожал руки мальчишкам, тут же начавшим радостно галдеть, пытаясь сообщить все накопив-

шиеся у них новости и одновременно забрасывая вопросами его. Ольга закатила глаза.

– Тихо! Представляешь, что мне приходится выносить каждое утро?!

Дима улыбнулся.

– А Инка скоро выходит замуж, – сообщил Ярик. Ольга сердито посмотрела в зеркало заднего вида. Вот, язык без костей. Покосившись на своего пассажира, она заметила, что лицо у него посерьезнело и приобрело выражение, как будто он только что съел лимон вместе со шкуркой, тщательно его разжевав.

– А вместо платья у нее будет космический скафандр, – продолжал вещать Ярик.

– Дурак, она тебя надула. Потому что ты к ней приставал. Вот она тебе специально и сказала, – презрительно глядя на брата, сказал Сережа.

«Нужно было их в роддоме всех оставить», – мрачно подумала Ольга. А эта, почти двадцатилетняя старшая сестра, без пяти минут замужняя женщина, тоже хороша! Недалеко ушла от своих братцев.

– Извини, – сказала она. Дима пожал плечами.

– Да, нормально все. Я же понимаю, что жизнь не стоит на месте. Рад, что у нее все хорошо, – ответил прежний воздыхатель старшей дочери, уже успевший переварить новость и взять себя в руки.

Высадив детей у школы и проведя ежедневный тридцатисекундный инструктаж о поведении, молчании во время уроков, аккуратности и т.д. Ольга, наконец, поехала по своим делам. Наслаждаясь воцарившейся в машине тишиной и спокойствием.

–

Филип Дворжский элегантно, аристократично-утонченным движением отрезал тонкий ломтик мяса и не менее элегантно и аристократично отправил его в рот.

– Каждый раз, сидя с тобой за одним столом ощущаю себя плебейкой, – усмехнулась Ольга.

Дворжский улыбнулся.

– Мне кажется, что нож и вилку, мне и брату, выдали прямо на родильном столе, акушерка держала их наготове и как только мы явились на свет, сразу же их и вручила. Мать помешана на подобных вещах, – он засмеялся. – Если бы кто-то из нас положил локти на стол, как ты сейчас, она, наверняка, слегла бы на неделю от переживаний, а то и вовсе отеклась бы от такого чудовища.

Ольга убрала руки со стола.

– Надеюсь, ты не расскажешь маме? – с улыбкой сказала она.

– Когда мальчишки гоняли мяч во дворе, я разучивал гаммы, а, когда, набегавшись с мячом, они принимались играть в прятки или ножички, у меня начинался урок живописи или французского. Если не было занятий, мы шли в Третьяков-

ку или в Пушкинский. По выходным – обязательный поход в консерваторию или театр. Симфонический оркестр играл Баха, Моцарта, Шуберта, зал переполнял восторженный трепет. А я, сидя в накрахмаленной рубашке и отутюженном костюме, естественно, с прямой спиной, мечтал о том, как я кидаю перочинный ножик, и он втыкается в землю, а другие мальчишки завидуют, какой удачный бросок у меня получился и сколько сразу я отхватил себе территории, – усмехнулся он.

– Жалеешь, что у тебя этого не было? Тебе хотелось гонять мяч, и ты завидовал мальчишкам, которые бегали за окном? Прекрасный, недостижимый для тебя, мир порванных штанов, ругательств, драк, неприличных надписей на заборе, – смеясь, поинтересовалась Ольга. Ей показалось, что приятель хоть и говорит насмешливо, но в его словах проскальзывает едва уловимая грусть.

Филип пожал плечами, естественно, необычайно элегантно и аристократично.

– Да, нет, конечно. Сейчас-то это вообще уже не важно. Хотя, иногда мне кажется, что если бы у меня тогда были и чисто детские развлечения, вреда от этого не было бы. Наверное, я единственный ребенок, ни разу в жизни не порвавший штаны, перелезая через забор и не разбивший коленку.

– Хочешь, можем поиграть как-нибудь в прятки или в ножички, я в детстве играла. Можно в казаков-разбойников. Я еще обожала классики, резиночки, прыгалки. Могу научить.

С коленками тоже разберемся, – улыбаясь, предложила она.

– Уверена, что мы еще годимся для резиночек и прыгалок? Коленки разбивать, мне кажется, уже несколько поздно, – усмехнулся Филип.

Он пристально посмотрел на свою собеседницу.

– Оль, с тобой все нормально?

– Ты по поводу прыгалок? Думаешь, я сошла с ума, предлагая такое? – попыталась отшутиться она. Какие все вокруг наблюдательные! Просто вся жизнь, как под микроскопом. Все все замечают.

– Нет. Я по поводу того, что ты как будто сама не своя. Что случилось? Ну, я же тебя знаю прекрасно. Вижу, что ты какая-то не такая. Что-то тебя беспокоит.

Когда Дворжский предложил вместе пообедать, она хотела отказаться – настроение и впрямь было не очень. Но Филип умел уговаривать. Тем более давно не виделись. Отмахиваться от друзей, когда у тебя что-то не ладится в жизни – не лучший выход. Настоящих друзей не так много, их нужно ценить и уж совершенно точно не стоит их обижать.

Несмотря на то, что разговор носил шуточный характер, Ольга была задумчивой. Вроде бы она и улыбалась и даже смеялась, но взгляд у нее был отсутствующий. Казалось, что ее мысли где-то далеко. Все это не ускользнуло от наметанного глаза наблюдательного приятеля. Тем более, притворщица из Ольги была так себе. Скрывать чувства она никогда особенно не умела.

– Ну, так что, поделишься? – улыбнулся он. – Давай, для чего еще нужны друзья, как ни для того, что бы вываливать на них ворох своих переживаний и неподъемный груз жизненных проблем? Друг всегда должен быть готов подставить плечо и позволить придавить себя и расплющить всей этой тяжестью, лишь бы ближний смог облегчить душу.

Ольга рассмеялась и посмотрела на Филипа с нежностью и благодарностью. Какой он все-таки хороший! И как ей повезло, что в жизни ей встретился такой добрый самый настоящий друг.

– Ты знаешь, что ты отличный друг? Просто замечательный.

– Не заговаривай мне зубы, пытаясь отвлечь меня своей лестью, хотя не скрою, конечно, приятной. Рассказывай. Знаешь ведь, что я не отстану. В конце концов, это же ни какой-нибудь страшный секрет, правда? Закон ведь ты не нарушала? Если нарушала, не волнуйся, мы что-нибудь придумаем, – глаза у него поблескивали озорными огоньками.

– Нет, с законом все в порядке, вроде бы, – усмехнулась она. – Мне звонил Северцев.

Тонкие темные брови, получившего аристократическое воспитание отличного друга, готового принять на себя тяжкий груз чужих забот, взметнулись вверх. Новость и впрямь была неожиданная. Звонок их общего знакомого – событие редкое, почти знаменательное. Произошло, что-то из ряда вон, раз он позвонил.

– Ну, согласен, Игорь Афанасьевич нас не балует общением, – с иронией сказал Дворжский. – Но почему же, душа моя, тебя так взволновал и расстроил его звонок, что ты бледна, печальна и лишилась покоя? Вроде он обычно держит себя в руках и ведет себя вполне по-джентельменски по отношению к тебе. Да и ты знаешь, какой он... своеобразный. Так что же не так?

– Он предложил мне приехать. И я сказала, что приеду.

Она замолчала. Лицо у нее было грустное. Взгляд Филипа стал немного насмешливым и ироничным.

– Вообще, я всегда предполагал, что между вами что-то есть. По крайней мере, я был уверен, что со стороны Игоря точно есть какое-то чувство, хотя и довольно странное и своеобразное, как и он сам. Только он не мог или не хотел его понять. Возможно, наконец, разобрался в себе? Тебя это расстраивает?

– Нет. – Она покачала головой. – Все как-то очень сложно. Я сама в себе не могу разобраться. После разговора я готова была прыгнуть в первый же самолет. Даже не знаю почему. Я почти не вспоминала о нем все это время... А потом мне стало страшно. Я испугалась. Не хочу снова испытывать боль. Слишком мы разные. Как будто с разных планет. Да и вообще, все это сплошная глупость, временное помешательство...

– Оль, конечно, ты можешь решить, что человек, который так и не удосужился связать себя серьезными обязательства-

ми по отношению к кому-либо, плохой советчик. Но, все же, мне кажется, правильно говорят, что лучше испытать боль и сожалеть о том, что было, чем терзаться мыслями о том, что могло бы быть, но от чего ты сама отказалась, отговариваясь тем, что это глупость и вы разные. Мы все разные. Все люди. Одинаковых вообще нет.

Филип улыбнулся, и, накрыв ее руку своей, немного грустно сказал:

– Знаешь, иногда мне кажется, что вся наша жизнь состоит из боли. Возможно, без нее наше существование стало бы пресным, скучным и однообразным. Мы любим страдать. Если страдать не из-за чего, мы сами придумываем повод. Мы просто не можем обойтись без этого. – Он усмехнулся. – Ты боишься возможных переживаний и в качестве самозащиты создаешь их себе сама?

Ольга улыбнулась.

– Я позвонила вчера, – призналась она. – Все-таки решилась. Он не взял трубку. Он вообще-то так делает время от времени, не отвечает на звонок. Но я думала, раз он сам просил приехать... И по голосу мне показалось, что он и вправду хотел этого. Обрадовался... – она немного смутилась. Филип закатил глаза. Прямо как маленькая, честное слово.

– Ну, так позвони еще и все выясни. Мне кажется, Игорь при всех его недостатках, человек очень обязательный. И, наверняка, он не станет прятаться от разговора, и просто не брать трубку, по крайней мере, в данном случае. Он как раз

из тех людей, кто умеет отвечать за свои слова и поступки.

– Я звонила, – она потупилась. Признаваться в собственных слабостях было нелегко, неловко и не слишком-то приятно. – Сегодня, с утра. Чувствую себя, если честно, просто дурой, – в ее голосе прозвучали злость и обида. Она даже надулась, и вправду совсем как маленькая девочка. Филип развеселился.

– Ну-ну. Расслабьтесь, больной. Мне, Вашему психиатру, Вы можете рассказать все, что угодно. Не нужно стесняться и вести себя как обманутая старшеклассница, или наоборот, нервная, престарелая старая дева, – улыбнулся он. Ольга тоже улыбнулась.

– Я отправила ему сообщение и решила, что больше не буду звонить. Пусть теперь сам звонит, если хочет. Все. Я тебе все рассказала. Доволен?

– Ну и хорошо, что звонила, и что сообщение отправила, – успокаивающе сказал Дворжский. – Чего ты так нервничаешь? Оль, в жизни может быть все, что угодно. Мало ли какие у него там обстоятельства...

Он сделал широкий жест рукой, как бы желая показать, сколько всевозможных вариантов разнообразных обстоятельств, которые могут, помешать человеку, ответить на телефонный звонок можно предположить.

– А вы с ним общаетесь? – спросила Ольга.

– За то время, как он покинул пределы нашей прекрасной страны, мы созванивались, наверное, всего пару раз. Во

время последнего разговора я ему сообщил, что ты от меня ушла, – ухмыльнулся Филип. – Пошла своей дорогой, бросила меня, своего доброго работодателя, наивно доверившегося тебе, можно сказать, на произвол судьбы. Разбила мне сердце, коварная женщина.

– А он, что? – улыбнулась Ольга. Филип пожал плечами.

– Ничего. Он ничего не сказал, и я решил не лезть. Слишком вы для меня сложные. Да и для самих себя, тоже. Я человек простой. Поэтому решил держаться в стороне от ваших этих непонятных взаимоотношений, напрямую граничащих с одной из областей психиатрии.

– Нам, как нормальным людям не интересно, это точно. Скукотища. Нам трудностей да терзаний подавай, – грустно улыбнулась она.

Принесли десерт. Дворжский хитро посмотрел на Ольгу.

– То, что ты заказала, едят вон той маленькой вилочкой. – С видом обладателя герцогского титула он указал на нужный столовый прибор. Ольга скорчила ему рожицу.

– А я уж думала влезть в тарелку руками. Спасибо, что не дал мне опозориться.

– Да, мне не трудно. В качестве скромной благодарности, можешь просто при обращении ко мне добавлять – сир.

– Непременно, Ваше королевское, только так теперь и буду к Вам обращаться. Жаль, больше вместе не работаем. Заказчикам бы понравилось.

Дворжский пожал плечами.

– Может, со временем, все бы привыкли и стали обращаться ко мне именно так, – ухмыльнулся он.

– Мне всегда было интересно, как вышло, что такой утонченный аристократ подружился с таким человеком, как Северцев? – покончив с десертом, спросила Ольга. – Учил его, какой вилкой нужно есть?

Филип горделиво распрямил плечи и надменно взглянул на нее.

– Вот и не угадала. Мы с ним подрались.

– Подрались?! – она изумленно посмотрела на приятеля. – Мистер светские манеры, оказывается еще и драчун! Какой, Вы, сир, разносторонний человек!

Ольга развеселилась. Трудно было даже представить, как Филипп дерется с Северцевым. Трудно было вообще представить, что Филипп с кем-то дерется. Северцева в подобной ситуации представить было гораздо легче. Очень даже просто, если уж на то пошло.

– Ни какой я не драчун. Но трудно не ответить, когда тебе со всей силы бьют кулаком в физиономию.

– Боже, и ты до сих пор молчал! Скрывал от меня, своей подруги, такие подробности!

– Да, решил припасти эту чудную историю на тот случай, когда на тебя нападет хандра. Видишь, как удачно угадал. Взял и развеселил тебя. Прямо светишься вся сидишь!

Она расхохоталась.

– Да я даже представить себе не могу вас дерущимися, при всей моей далеко не бедной фантазии. Ну, давай уже, не томи, рассказывай, что вы не поделили. Жажду подробностей.

– А ты, оказывается, кровожадная! Ладно уж, слушай, любительница кровавых историй. Все было довольно банально, можешь ничего такого себе не воображать. Возле одного ресторана, в котором у меня была назначена важная встреча, на которую, кстати, я из-за всей этой истории так и не попал, как только я остановился, в зад моей машины въехал автомобиль господина Северцева. Вышли из машин. У меня зад смят. У него перед. Начали выяснять, кто виноват. Он был пьян, начал орать, размахивать руками, угрожать, – Филип усмехнулся. – Ну, я тоже вышел из себя. Он разбил мне нос, я, хоть и не такой заядлый любитель побоксовать, при любом удобном случае, но на эмоциях, тоже съездил ему по физиономии. Отношения мы выясняли очень громко и, вероятно, чересчур уж эмоционально. Приехала полиция, растащила нас. Успокоила. Меня быстро, Игоря, чуть подольше успокаивали, – хохотнул Филип. – А месяца через полтора на одном мероприятии мы с ним столкнулись, можно сказать, нос к носу.

– Опять подрались, надеюсь? – смеясь, сказала Ольга, на этот раз живо представив своих знакомых, устроивших потасовку на светском мероприятии. Съехавшие на бок бабочки, разодранные смокинги, разодетые гости шарахаются в стороны. Красота!

– Так и знал, что без моря кровищи, ты не будешь удовлетворена. Но нет. Вторая встреча прошла спокойно, – весело сказал Филип. Почти забытое воспоминание и его развеселило. – Вполне мирно пообщались. Ну и как-то так получилось, что между нами сложились, можно сказать, дружеские отношения.

Ольга положила локти на стол и торжествующе посмотрела на Филипа.

– Рада, что ты не идеален. Больше не буду комплексовать. Теперь-то я знаю, что ты драчун и скандалист. Недаром говорят, что и на солнце есть пятна, сир.

– Раскусила меня! Ну, теперь уж рассказывай, как вы познакомились. Вы же не в библиотеке встретились и не на художественной выставке. Давай признавайся. Сегодня день откровений. И без вранья! – он погрозил ей пальцем.

Ольга хитро посмотрела на него.

– Ну, по сравнению с вашими страстями-мордастями, наша встреча была, можно сказать, совершенно не примечательной, – Ольга сделала паузу, давая приятелю время помучиться от любопытства. – Он меня на дороге подобрал, в прямом смысле этого слова.

– Надеюсь, это приличная история? – ухмыльнулся Филип.

– Вполне. Испорченный аристократ-интеллигентшишка.

Принесли счет. Истинный джентльмен, временами развлекающийся потасовками возле дорогих ресторанов, наот-

рез отказался от предложения разделить его пополам. Филип расплатился, и они направились к выходу. Уже у самых дверей он придержал Ольгу за руку.

– Позвони ему еще. Или, вообще, возьми и поезжай, без звонка. Жизнь-то она не бесконечная. А вы уж, прошу прощения, не мальчик и девочка. Не по восемнадцать лет. Хе-хе-хе!

Ольга кивнула.

– Наверное, так я и сделаю, мой дорогой, не подвластный законам старения, сир...

Глава 2

4,5 года назад.

– Вы не представляете, какое чувство при этом испытываешь! Это не с чем ни сравнимо! Уверяю вас! Ничего подобного вы больше нигде не сможете ощутить. Восторг! Настоящий восторг! Чувствуешь себя всемогущим, всемогущим. Истинным царем и повелителем всего живого! В тот момент, когда лезвие ножа входит...

Ольга поближе придвинула бокал с вином. Она вообще не собиралась пить. Встреча была деловая – обед с заказчиком. Но, послушав в течение полутора часов нескончаемые, не прерывающиеся ни на минуту, рассказы любителя охоты, коим являлся пригласивший их заказчик, она уже подумывала, а не напиться ли ей как следует. Фанат убийства четвероногих представителей фауны уже успел просветить работников художественной мастерской, как выслеживать, загонять и свежевать зайцев, лисиц, барсуков, а теперь дело дошло и до кабана. Он подробно, как казалось Ольге, с нездорово-садистским наслаждением, говорил, как и куда нужно стрелять, «чтобы шкурку не попортить», как снимать эту самую шкуру, потрошить тушку убитого животного, и даже, как сливать кровь. Ольга чувствовала себя уже вполне готовой отправиться на охоту, со знанием дела, практически на уровне специалиста. Сейчас про кабана дослушает, и все, можно

смело отправляться в лес. Выслеживать, загонять и свежевать всех, кто только попадет на пути. Клиент, пригласивший их с Филипом Дворжским на обед, был страстным охотником, фанатом на грани помешательства. Он считал своим долгом поделиться, как можно более подробно, всеми тонкостями, переживаниями, накопленным опытом этого чудесного, по его убеждению, процесса. Практически таинства. И они теперь были приобщены к этому таинству. Ольга сделала большой глоток и покосилась на «босса». Судя по лицу Дворжского, он старательно скрывал насмешливую улыбку. Ольга заподозрила, что он с самого начала был в курсе, « в каком ключе» пройдет эта встреча. Он-то с заказчиком уже встречался, и тот, наверняка, успел сообщить ему, хотя бы часть информации выданной во время сегодняшнего обеда. Такие, сдвинутые на чем-то, просто не в состоянии удержаться, что бы при любом удобном случае хоть чуть-чуть, хотя бы самую малость, не поговорить о самом для них животрепещущем. «Сволочь! Ну, я тебе устрою!» – злобно сверкнув глазами на Дворжского, подумала Ольга. Когда заказчик отвлекся на телефонный звонок, дав, наконец-то, своим слушателям небольшую передышку от лекции по охотоведению, Ольга наклонилась к самому уху начальника и злобно прошипела: «Завтра я покажу, тебе, как загнать и освежевать своего непосредственного руководителя!» Филип с деланным непониманием посмотрел на нее. Она многозначительно кивнула, мол, можешь сколько угодно притворяться

невинным дурачком, я тебя раскусила. Но тут заказчик, закончив говорить по телефону, вновь обратился к ним. Ольга скривилась, как от зубной боли, а ее руководитель, которому она только что угрожала страшной расправой, расплылся в ехидной ухмылке и с видом крайней заинтересованности воззрился на, продолжившего свой рассказ, любителя кровавого действия.

– Так вот, что бы найти в лесу лежку кабана... – радостно изрек заказчик. Тихонько застонав, Ольга вцепилась в свой бокал. А ведь впереди еще вполне могли быть олени, лоси, медведи.

Со стороны входа в зал ресторана послышался грохот, ругань, невнятные голоса, топот ног.

Спустя несколько секунд, в зал ввалился Северцев. На одной руке у него, с несчастным видом, висел метрдотель, на другой, не столько с несчастным, сколько с испуганным – швейцар. Метрдотель выглядел изрядно потрепанным, видно, перед тем как повиснуть на «госте», он с этим самым гостем успел пообщаться в тесном «спарринг-контакте».

– Игорь Афанасьевич, прошу Вас!... – жалобно зывал метрдотель, потирая свободной рукой покрасневшую скулу.

– Руки! Мразь... – проорал Северцев. Он вырвал руку, за которую боязливо цеплялся швейцар и замахнулся ею на не менее перепуганного метрдотеля. – Я тебе сейчас покажу, сука, как меня хватать и указывать...

Он не договорил. Заметив, сидевших за столом, Ольгу и

Филипа, он расплылся в пьяной улыбке. Стряхнув с себя метрдотеля, он нетвердой походкой направился к их столику.

– Здорово... Чего празднуем? Сейчас вместе посидим!

Заказчик, забыв про несчастного кабана, которого он вот-вот должен был в своем рассказе лишить его кабаньей жизни, изумленно смотрел, на явно не вполне вменяемого знакомого своих собеседников.

– Здорово! – Северцев, покачиваясь, протянул руку Филипу. – Привет, звезда моя!

Он попытался наклониться, что бы чмокнуть Ольгу в щеку и чуть не завалился, потеряв равновесие. Скатерть, за которую он ухватился, поползла за ним, и на пол, со звоном и грохотом, посыпались столовые приборы, графин с водой и пара тарелок.

– Чего такие скучные? Эй, вина, шампанского, водки! – проорал он, и обвел мутным взглядом сидевших за столом. – Я ж не знаю, кто чего пьет.

Тут он заметил, продолжавшего тарашить на него глаза, великого охотника.

– А это чего за кадр? Ты кто? Надеюсь, не Олькин ухажер? Смотри у меня, кучерявый! – Северцев погрозил пальцем. – Обидишь ее – убью!

Ольга встала. Улыбнувшись заказчику извиняющейся улыбкой, мол, сами понимаете, не в себе человек, она взяла Северцева за руку.

– Игорь Афанасьевич, мы можем с Вами поговорить. –

Она с силой потянула его за собой.

Северцев ухмыльнулся и, подмигнув мужчинам, направился за ней.

– Ну, пошли, поговорим, с тобой куда угодно, ты ж знаешь! А с этим, я бы тоже не остался на твоём месте, – он кивнул в сторону, впавшего в ступор, заказчика. – Чмыреньш кучерявый. Он тебе не подходит.

Позади, на безопасном расстоянии семенили метрдотель и швейцар.

Ольге выдали, чуть ли не со слезами благодарности, ее полушубок. Бывает в жизни счастье, нашлась смелая женщина, избавившая их, на этот раз от разошедшегося, неуправляемого клиента. Посуда, стулья зеркала и бог знает, что еще, останется сегодня в целости и сохранности. Графин и тарелки не в счет – такой пустяк, о котором даже и говорить не стоит.

– У него была верхняя одежда? – кивнув на любителя устраивать разгром, спросила Ольга. Ей подали кожаную куртку, сильно разодранную в нескольких местах. «Пьяный идиот!» Она сунула куртку Северцеву и подтолкнула его к выходу.

Такси уже ждало перед входом в ресторан. Вероятно, метрдотель подсуетился, опасаясь, вдруг дама, не дай бог, передумает и оставит такое сокровище здесь.

– Куда нам нужно ехать? – спросила Ольга, чуть ли не собственноручно затолкав Северцева в машину. Его рот рас-

плылся до ушей.

– А куда ты хочешь? Ты только скажи, поедем в любое место.

– Домой к тебе поедем. Адрес назови. – Серdito сказала Ольга и чуть не съездила по физиономии, расплывшейся гаденькой многозначительной ухмылкой. – Идиот, нужно было так напиться.

– Да я нормальный! Ты чего?! – возмутился Северцев, еле ворочая языком.

Наконец название улицы, на которой проживает любитель выпить, было выяснено и такси поехало по заснеженной столице.

– Ну, и с кем же у нас спит мисс-недотрога? С Филей или с этим дрищом? – с видом обманутого мужа, уличившего жену в неверности, поинтересовался Северцев. Возмущенное выражение лица почти сразу сменилось игривой улыбкой. Он пьяно засмеялся. – Ладно, признавайся, чего там. Кто является счастливецом?

– Оба! – преодолевая желание отвесить хорошую оплеуху пьяному идиоту, огрызнулась Ольга. Северцев на мгновение замер, вытаращив глаза.

– Ты врешь! – он погрозил пальцем и снова рассмеялся. – Ты с ними не спишь. Ни с тем, ни с другим.

– Точно. Не сплю.

– Молодец! Они тебе не подходят. Ни Филя, ни этот...

– Заткнись.

Северцев закинул ноги на сидение и положил голову ей на колени.

– Олька! – блаженно улыбаясь, пробормотал он. – Тебе нужен мужик, такой, чтоб ты за ним, как за каменной стеной была. Понимаешь? Ты ж такая...

– Заткнись, – снова сказала она, но уже менее сердито. Лежащий на коленях Северцев, бормочущий что-то о том, какой мужик ей нужен, был даже каким-то трогательным и, не смотря на свое хамское поведение, рассмешил ее. Она погладила темные волосы. Все-таки, такой он чудной. И ужасный, конечно. Но есть в нем что-то хорошее. На него невозможно злиться долго и прямо уж всерьез. По крайней мере, она не может. – Спи.

Он накрыл ее руку своей.

– Оль, – пробормотал он.

Пару минут спустя, он уже тихонечко похрапывал. Ольга взглянула в окно. Уже совсем стемнело. Мелькавшие за стеклом такси, дома горели сотнями светящихся окон, за каждым из которых была своя жизнь, своя история, свои беды и радости. Мимо проносились машины. Отчего-то стало невыносимо грустно.

– Куда дальше? – спросил водитель. Они доехали до нужной улицы. Ольга понятия не имела, где живет Северцев.

– Игорь! Какой у тебя номер дома?

– Ммм...

– Игорь!!!

В конце концов, ей удалось растолкать его и узнать, какой им нужен дом.

– Как Вы его до квартиры-то дотащите? – сочувственно спросил водитель.

– Не знаю, – честно призналась она. – Не дотащу, значит, брошу где-нибудь.

Еще какое-то время ушло на поиски квартиры. Северцев никак не мог вспомнить ни номер своей квартиры, ни даже этаж, на котором он живет.

– Ты идиот? – сердито сказала Ольга, висящему на ее плече мужчине. – Как можно так напиться, что вообще ничего не соображаешь? Как тебя еще не прибили где-нибудь и не ограбили?

– Я сам кого хочешь...

– Да, конечно. Пошли уже, герой.

Наконец, после нескольких неудачных попыток – не тот подъезд, не тот этаж, квартира нашлась. Ольга довела приятеля до дивана, стоявшего посреди просторной гостиной.

– Не уходи! – пробормотал Северцев, повалившись на диван. – Посиди со мной.

Она села рядом. Нужно было ехать домой, ее ждут дети. Но она немного посидела. Северцев крепко спал, сном пьяного, полностью отключившегося от реальности человека. Она укрыла его пледом, принесла подушку из спальни.

– Чудовище! – усмехнулась она, подкладывая подушку ему под голову.

Заварив чай и оставив его на столике рядом с диваном, она пошла к двери.

– Оль...

Она в нерешительности остановилась. В конце концов, она не нянька, и он взрослый человек. Итак, довезла его до дома, а то неизвестно, куда бы он вообще мог попасть в таком состоянии. Все же она вернулась к дивану.

– Не уходи...

– Игорь, мне нужно домой. Меня дети ждут, – сказала она, даже не зная, понимает ли он то, что она говорит.

– Оль, не уходи! Посиди немного со мной...

Она вздохнула. Как будто ему пять лет. Но бывает, что и взрослому человеку иногда одиноко и хочется, чтобы кто-то был рядом. Естественно, трезвому взрослому человеку. Она снова села. Он обнял ее, уткнулся носом в колени и уснул. Минут через двадцать она поднялась, и на этот раз, наконец-то, покинула квартиру. Северцев спал крепко и беспробудно.

Глава 3

Она сказала – скоро. С момента разговора прошло десять дней, она так и не позвонила. Может, передумала. Он ни на минуту не расставался с телефоном – мало ли, кто может звонить по важному делу. Ночью он клал телефон рядом с собой, испытывая при этом раздражение, и злясь на себя. Что за чушь? Кто будет звонить ночью? Понятно, что уж она-то точно ночью не позвонит. Он раздражался, злился и продолжал каждый вечер класть телефон в постель. Она всегда держит данное слово, он это знал. Но, ведь всегда бывают исключения. Возможно, она и впрямь передумала ехать к нему, решила, что незачем им встречаться. Зачем вообще он сам позвонил и зачем позвал ее? Он три с лишним года прекрасно жил, почти не вспоминая о ней. Даже не то, чтобы сильно старался, а просто не думал и почти не скучал. Может быть, иногда... Он взял мобильный, покрутил его в руке и со злостью швырнул на кровать. К черту! Пошла она. Завтра же он поедет на материк и оторвется там по полной и забудет о ней, и даже не вспомнит больше. На х... ее. Будет пить неделю, а может две. Сколько захочет. Переспит со всеми, с кем можно. Да было бы вообще из-за кого переживать. Тоже королева нашлась, мать ее.

– Элени! – гаркнул он. Из проема двери, ведущей в кухню, выглянула пышнотелая гречанка. – Я не буду завтракать.

Пойду, схожу на берег.

Полные плечи служанки распрямились, могучая грудь воинственно выпятилась в его сторону.

– Я уже все приготовила. Поешьте, потом пойдете! – Она сверкнула темными глазами.

– Поговори еще, женщина! – огрызнулся он.

Служанка проворчала, что-то по-гречески. Северцев ухмыльнулся. Знает, что он не все понимает и пользуется этим. Позволяет себе всякие вольности.

– Я пошел, – бросил он уже на ходу, – а ты прикуси язык.

– Болван! – сказала Элени, рассчитывая, что он не поймет, но, так как она частенько употребляла это слово, он поинтересовался его значением у старого рыбака Костидиса.

– Я все слышу, Элени, и знаю, что это значит! Так, что закрой рот, – посмеиваясь, крикнул он.

Гречанка сплюнула и сердито ушла на кухню. Неблагодарный! Она столько времени потратила, чтобы приготовить вкусный завтрак, потому что видит, что он чем-то расстроен, а он не желает есть. Пойдет на берег! Сроду не ходил на этот берег, а тут вдруг ему вздумалось прогуляться. Может у него что-то серьезное? Уже который день сам не свой. Элени обеспокоенно выглянула в окно кухни. Высокая фигура в светлых джинсах и рубашке с закатанными рукавами, бодрым шагом удалялась от дома по направлению к скалам. Не поймешь у этого русского, что у него на уме. Вроде и такой, как обычно, а глаза грустные. А то начнет орать ни с того, ни

с сего. Из себя выходит. Вчера, вон, сидел, смотрел фильм. А потом взял, да и запустил стаканом из-под виски в стену. Прямо сумасшедший!

Небольшую бухточку почти со всех сторон обступали скалы, над которыми на фоне ярко-голубого неба носились птицы, высматривая рыбу в морской воде. Между скалами был небольшой участок песка. Белого-белого. Вода здесь всегда была беспокойная. Сюда никогда не заплывали лодки. Костидис говорил, что течение сильное и лодку обязательно бросит на скалы и разобьет. Место было красивое, только волны очень шумели, яростно набрасываясь на каменные стены и разбиваясь о них в мелкие брызги. Ветер, не пронизывающий ледяным холодом, как еще совсем недавно, а уже, почти по-летнему теплый, приятно обдувал лицо и руки. Он снял мягкие ботинки, надетые на босые ноги, и подошел к воде. Вода была холодной, но вполне терпимой.

За все время проживания на острове он купался всего несколько раз. А сейчас захотелось поплавать. Может, смыть с себя волнение и тревогу. Очистить душу и тело от ненужных переживаний, от обманутых ожиданий и несбыточных надежд. Он быстро скинул одежду и зашел в воду по пояс. Тело обожгло холодом. Даже сердце, в первый момент, замерло, и дыхание перехватило. Он прошел еще немного вперед и поплыл. Тело радостно отзывалось на прикосновение воды, на энергичные быстрые движения. Он доплыл до само-

го выхода из бухточки в открытое море. Чувствуя какую-то необъяснимую радость, он быстро плыл вперед, делая мощные гребки. Он хотел перевернуться на спину и просто полежать на воде, наслаждаясь покоем и умиротворением, но неожиданно почувствовал, как будто сильные, цепкие руки ухватили его и поволокли за собой, в сторону от выхода из бухты. А потом начали тянуть под воду, в темную глубину. Он яростно заработал руками и ногами, но беспокойные волны несли его, не отпуская, со все возрастающей силой. Потом его закрутило, и накрыло с головой набежавшей волной. Едва он вынырнул на поверхность и глотнул воздуха, как его снова накрыла еще одна волна. Открыв глаза под водой, он увидел свет где-то над собой, а потом свет погас. Спустя несколько секунд свет снова появился, но уже не сверху, а сбоку. Его крутило под водой. Он даже не мог вынырнуть, чтобы глотнуть воздуха. Он уже не мог понять, где находится поверхность, куда нужно плыть, чтобы попытаться сделать спасительный вдох. В конце концов, он вновь оказался на поверхности, выпучив глаза, задыхаясь, он жадно хватал воздух ртом. Он хотел осмотреться, в какую сторону нужно плыть, но тут его снова подхватил мощный поток воды, а затем он почувствовал, как его тело со всей силы врезалось в твердую шершавую поверхность, он только успел откинуть назад голову, как его снова ударило о камни с еще большей силой. Он больше не видел неба, не видел волн. Он погрузился в темноту и, наконец, она полностью поглотила его.

Уже давно прошло время обеда. Разобиженная Элени накрыла на стол и ушла на второй этаж убираться. Ничего, не принц. Сам себя обслужит. Протерев пыль и пропылесосив все комнаты, Элени спустилась вниз и с независимым гордым видом, вошла в столовую убрать посуду после обеда. Обед стоял на столе не тронутый.

– Совсем с ума сошел! – проворчала служанка. – Вот, что прикажешь делать? Сейчас уберу, так он явится через пять минут и скажет: «Накрывай на стол. Есть хочу».

Она покачала головой и пошла на кухню. Кипя негодованием, она уселась чистить медные кастрюли. Оттерев одну кастрюлю до зеркального блеска, она в сердцах шваркнула ее на стол.

– Такос! – гаркнула гречанка в кухонное окно. – Такос!

Из гаража, вытирая запачканные машинным маслом руки, вышел ее сын.

– Что? Кричишь, как будто пожар! Что случилось?

– Чем ты занимаешься?!

– Хозяин просил посмотреть машину. Что случилось-то?

– Иди, сходи, поищи хозяина. Он с утра ушел, без завтрака. Сказал, что пойдет на берег. Время третий час, а его нет. Такос пожал широченными плечами.

– Может, он пошел в деревню.

Элени уперла руки в бока.

– Ты еще припираться со мной будешь? Иди, ищи, сказа-

ла. Ничего с тобой не случится, если ты и до деревни прогуляешься. Мужчины! И не вздумай там пить!

Такос наскоро умылся и пошел по направлению к скалам, туда, где был спуск к берегу. Если мать, что вбила в голову, так спорить бесполезно. Проще и впрямь сходить.

– Что случилось?! – в ужасе закричала Элени. К дому, пошатываясь под тяжелой ношей, подходил Такос. Он нес на своих плечах безжизненное, неподвижное тело хозяина, придерживая его спереди за безвольно болтающиеся руки.

– Матерь божья! Отсохни мой язык! Я пожелала, когда он уходил, что бы он провалился! Боже, что я натворила?! – запричитала, заливаясь слезами, Элени. – Что случилось? Такос?

– Я нашел его на берегу. Видимо, он пошел купаться, и его бросило на скалы, а потом вынесло на берег, – бережно опуская тело на диван в гостиной, тяжело отдуваясь, сказал Такос.

– Матерь божья! Да разве же можно плавать в этой проклятой бухте? Все же знают, что там такое течение, что и лодку разобьет и человека погубит, – рыдая, причитала Элени. – Не стой столбом! Подгони машину к крыльцу. Нужно везти его в деревню.

Глава 4

Ольга опустила кисть в воду и взглянула на картину. Выходило не очень. Без души. Картина казалась плоской, безжизненной. Заказчик хотел уходящую вдаль дорогу и, бредущего по ней, путника. Но путник не шел, а как будто прилип к дороге, петляющей через бескрайние поля. Просто безликая фигурка, не дающая воображению пищи – кто он, что чувствует, о чем думает, куда направляется и зачем. Небо было просто, покрашенным голубым цветом, участком холста, а не уходящим ввысь, бесконечным, бескрайним пространством. Мысли были о другом, и картина ясно давала понять, что художник не вложил в нее душу и собственные чувства, а просто нарисовал, как его учили в художественной академии. Качественная мазня, не способная тронуть, заставить задуматься, слиться с картиной и прочувствовать, прожить ее сюжет самому. Ольга не могла сосредоточиться на работе. Она покосилась на телефон. Нужно просто позвонить. Она ведь решила, что позвонит еще раз. А, что потом? Этого она не знала. А с другой стороны, разве хоть кто-то знает наверняка, что будет потом? Что будет через год, через день, через один миг? Кто может похвастаться точным знанием, что его ждет?

Ольга набрала номер. Абонент снова был вне зоны доступа или просто отключил телефон, не желая разговаривать с

кем бы то ни было и с ней в том числе. Как и предыдущие два раза.

Может он правда передумал? Может просто ляпнул, что хочет, чтобы она приехала, а теперь уже и думать забыл или просто не хочет, считает, что ни к чему что бы она приезжала. Это очень в его духе. Ольга накрутила себя и уже жалела, что вообще стала звонить. И, что сказала, что приедет, тоже. Нужно было просто сразу сказать – нет. Она плохо спала и встала злая, разбитая. Сердитая на себя, на Северцева. «Пошел он к черту!» – решила она. Несколько раз за утро она проверяла, нет ли от него сообщений, каждый раз ругая себя и давая себе слово больше этого не делать. Нужно успокоиться и вообще перестать думать о нем. Дотерпев до обеда, она снова позвонила. Пусть скажет сам, что не хочет, чтобы она приезжала! Он же мужчина, так пусть и поступит, как подобает мужчине. Трубку снова никто не взял.

В конце рабочего дня Ольга села с чашкой кофе и вновь начала прокручивать в голове их последний разговор. Он был радостный, он совершенно точно обрадовался, когда она сказала, что приедет. Но это было тогда. Северцев – человек непредсказуемый. У него могло десять раз, а может и сто, поменяться за это время настроение и планы, и вся жизнь.

Поздно вечером, когда она совсем извелась и уже начала ненавидеть свою, чуть ли не навязчивую идею дозвониться до него, она пришла к выводу, что очень хочет его увидеть. Больше всего на свете. Пусть у него там будет хоть целый га-

рем любовниц, наложниц и кого угодно. Пусть даже он уже и не ждет ее. Пусть у них ничего не получится, и пусть у них нет ни будущего, ни настоящего вместе. Неважно. Она просто хочет его увидеть. Она должна, иначе она сойдет с ума от постоянных мыслей и переживаний. Она снова позвонила. Снова никто не ответил. «Игорь, пожалуйста, перезвони или напиши!» Она отправила сообщение и легла в постель. Еще одна почти бессонная ночь. Постель казалась неудобной, жесткой. Было душно. Она то проваливалась ненадолго в тяжелый, не приносящий отдыха сон, то вновь просыпалась и ворочалась, в попытке найти удобное положение и уснуть.

С утра никаких сообщений снова не было. Ольга испытала желание запустить телефоном в стену.

–

– Ин, привет.

– Привет! Как у вас дела?

– Нормально. Ты можешь присмотреть за ребятами? Мне нужно уехать на несколько дней.

– Ладно. Куда едешь?

– В Грецию.

– Ух ты! Здорово! Решила отдохнуть?

– Да. В общем, потом расскажу, ладно?

– Ладно. Когда мне заступать на вахту? – засмеялась дочь.

– Сегодня вечером сможешь их из школы забрать?

– Смогу... Ты прямо так быстро... – немного растерялась

Инна. Мать обычно всегда заранее обговаривала серьезные

вопросы, а тут прямо сразу, одним днем, что называется, собралась уехать, да еще за границу.

– Так получилось...

– Мам, у тебя все в порядке?

– Конечно, все в порядке. Спасибо, что согласилась посидеть с мальчишками, – сказала Ольга. «Просто я немного сошла с ума, а в остальном все в полном порядке».

– Да, ладно. Ты же знаешь, как я обожаю присматривать за своими идеальными братьями. Это же маленькие ангелы, – засмеялась Инна.

– Надеюсь, все ангелы будут в наличии к моменту моего возвращения? – усмехнулась Ольга.

– Ну, думаю, четыре дня-то я как-нибудь выдержу. Не волнуйся, буду стараться изо всех сил. Да и Валера не даст мне совершить что-то противозаконное. Наверное.

– У меня уже возникают сомнения, – засмеялась мать.

–

Темнота развеялась. Вокруг было светло и легкие не горели и не разрывались от недостатка кислорода. Он осторожно приоткрыл глаза. Все вокруг было белым: потолок, стены, занавески на окнах. Сбоку от него что-то мигало разноцветными лампочками. Во рту что-то мешалось. Он пощупал рукой и одновременно языком, доставляющий неудобство, непонятно откуда взявшийся предмет. Трубка. Пластиковая. Он вытащил ее и тут же раздался неприятный, странный писк, как будто в комнату влетел гигантский комар. По-

слышались торопливые шаги. Женский голос что-то встревоженно кричал по-гречески. К нему подбежала, одетая в белый халат, женщина. Она говорила очень быстро, и он не мог разобрать почти ничего. Понял только «нельзя» и «лежать», потому что она повторила эти слова несколько раз. Он сел и огляделся. Больничная палата и женщина, которая продолжала безостановочно говорить и размахивать руками. Она протянула руку к трубке и попыталась уложить его обратно на кровать.

– Захлопнись, – проворчал он по-русски и, отстранив ее руку с зажатой в ней трубкой, попытался встать. Все тело болело, как после хорошей драки, или как после падения с мотоцикла. Как-то он ехал пьяный и так приложился, думал, что все – конец. Потом неделю ни вздохнуть, ни пошевелиться нормально не мог. Женщина начала кричать еще громче, пытаясь что-то втолковать ему.

– Да отвяжись, ты! Чего пристала-то? Живой я, и никакие трубки твои мне на х... не нужны, хорош верещать, – огрызнулся он.

Поняв, что ничего не добьется, женщина торопливо вышла. Он встал и тут же ощутил резкую боль в ноге. Он посмотрел вниз. Из под белой бесформенной распашонки до колен, похожей на женскую ночнушку, выглядывали голые ноги, одна из них была забинтована. «Ох...ть!» – прокомментировал он собственный наряд и бравый вид в целом. Он пошевелил ступней. Ступня двигалась, значит не перелом.

Одна рука тоже была забинтована. «Ничего я так испытался!» Он вспомнил, что произошло. Воспоминание было не приятное. Холодная, темная, крутящаяся вода, увлекающая за собой, и невозможность дышать. И сознание того, что сейчас твоя жизнь закончится. Финита ля комедия. По твоей же собственной глупости. Северцев проковылял к окну. За спиной раздалися шаги, судя по звуку, уже двух человек.

Медсестра привела доктора. Она кивнула в сторону Северцева. «Настучала, зараза», – ухмыльнулся он.

– Мне нужно Вас осмотреть. Прошу, вернитесь в постель, – сказал доктор.

– Да, я нормально себя чувствую, – буркнул Северцев.

– Прошу, – повторил доктор, показывая на больничную койку.

– Да е... вашу мать. Теперь залечат, – хромя к кровати, огрызнулся непокорный пациент.

– Думаю, что еще день-два полежите и поедете домой, – закончив осмотр, сказал врач.

– Да какого... я здесь день-два буду делать? – рявкнул Северцев. В гробу он видал эту больницу. – Давайте, выпишите меня! – потребовал он. Медсестра страдальчески закатила глаза.

– Вы два дня не приходили в себя. Вам на ногу наложили восемь швов. Нужно еще понаблюдать за вами, провести обследования... – попытался воззвать к благоразумию паци-

ента врач. Он не понимал и половины из того, что говорит больной, потому что тот то и дело вставлял в речь слова на незнакомом языке. Иностранец. Но то, что этот человек собирается покинуть больницу, врач понял. И судя по его поведению, он запросто может устроить скандал, а может и все разнести тут все – это доктор тоже понял. Такие пациенты порой попадались, с ними хлопот не оберешься. Доктор вздохнул.

– Мне телефон нужен, где он? – смерив недобрым взглядом нервную медсестру и заодно и врача, сказал Северцев.

– Где его телефон? – обратился врач к медсестре. Она снова быстро-быстро затараторила.

– Я ничего не понимаю, что эта сорока трещит, – сказал Северцев. – Она слишком быстро говорит. Я еще не так хорошо знаю греческий. Что она сказала?

Врач развел руками.

– Сестра говорит, что, когда вас привезли, телефона у Вас не было. Возможно, Ваши друзья принесут его, когда придут вас навестить.

– На х... друзей, и навестить тоже. Выписывай меня. Мне домой нужно! – Северцев угрожающе начал надвигаться на врача. Тот махнул рукой. Только психов ему тут не хватало, пусть катится. Всем спокойнее будет. Счет за лечение оплачен, а дальше пусть сам о себе заботится, не маленький. Если не умеет себя вести и не понимает, что со здоровьем шуточки плохи, так это его трудности. Спустя полчаса, Игорь Север-

цев покинул здание больницы. Теперь нужно было добрат-ся до дома. Денег у него при себе не было, но он пообещал одному из рыбаков хорошо заплатить, если он довезет его до соседнего острова.

– Приедем, расплачусь. Не переживай, отец, не обману.

Старик кивнул и посеменял к своей лодке. Северцев, прихрамывая, пошел за ним.

Глава 5

4 года назад.

– В гостипустишь?

Она ответила не сразу. Видимо, переваривала услышанное.

– Приезжай, конечно, – голос удивленный, но вроде, не недовольный. – Когда ты хочешь приехать?

– Да, я уже приехал. Стою у двери.

– Сейчас открою...

Через несколько секунд послышался звук отпираемого замка, и перед Северцевым предстала несколько ошарашенная Ольга. За ее спиной раздались крики:

– Мам! Кто пришел?!

– У нас гость...

Прихожая была крошечная, и он сразу, как ему показалось, занял в ней все свободное пространство. Ольга провела его на кухню, по размеру не намного больше, чем прихожая.

– Мы собирались ужинать. Будешь с нами?

– Буду. – Он кивнул на два здоровенных пакета. – Заехал в магазин. Подумал, может, чего пригодится.

Она покосилась на пакеты.

– Там, в магазине, после тебя что-нибудь осталось, или ты все, что было скупил, и они закрылись? – она засмеялась и он тоже засмеялся, потому что у нее был заразительный

смех, и она всегда смешила его. И на душе сделалось хорошо и легко. Хорошо, что он решил заехать к ней, а не поехал в клуб, как собирался. Он, вообще-то уже почти доехал до клуба, а потом вдруг пришла в голову идея, поехать к ней. Он развернулся, и чуть ни через всю Москву, поехал к ее дому.

– Здравствуйте! – пискнул маленький карапуз, заглядывая в кухню и широко улыбаясь радостной, открытой детской улыбкой.

– Здорово! Игорь, – он протянул руку, и крошечная ручонка потонула в ней. Мальчишка радостно засмеялся.

– Ярослав.

– Серьезное имя, – улыбнулся Северцев, усаживая карапуза с серьезным именем на колени. Тот захихикал.

– Здравствуйте! – в дверь всунулась, чуть более взрослая мордашка, с интересом разглядывающая гостя и тоже улыбающаяся до ушей.

– Так, слезайте, дайте человеку поесть, – скомандовала Ольга сыновьям, оккупировавшим колени гостя.

– Да, ладно. Пусть сидят. Они мне не мешают.

Она пожала плечами.

– Надеюсь, пятна кетчупа, майонеза, масла и еще какой-нибудь еды на одежде тебе тоже не помешают? Марш на свои места!

Когда все собрались за столом, на кухне, практически, не осталось места. Но было ужасно здорово сидеть в этой тес-

ноте. Дети толкались, хихикали, болтали без умолку. Ольга сновала по узенькому проходу от плиты к столу, от стола к холодильнику. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что хотел бы, что бы так было всегда. Можно, конечно, не в такой тесноте. У него-то и дом, и квартира могут вместить в себя целый пионерский отряд, а то и два. А еще ему очень захотелось поймать, проходившую мимо него хозяйку малюсенькой квартиры за руку и усадить к себе на колени. Прижать ее к себе и никуда не отпускать. Он отогнал дурацкие мысли и сосредоточился на содержимом своей тарелки.

После ужина дети утащили гостя к себе в комнату. Они поиграли в какие-то игры, которых Северцев не знал, но ему все равно понравилось. Младшие показали свои любимые игрушки. Со старшим сыном, Антоном, он сыграл в шахматы. Все это время, он то и дело представлял, как их мать сейчас убирает со стола, моет посуду. Как она заправляет за ухо непослушную прядь черных волос. Ему нравилось это ее движение, которого она сама даже не замечала.

– Ты будешь кофе? – спросила та, о ком он думал, заглядывая в комнату, естественно, крошечную.

Он не удержался и расплылся в улыбке. Он сам не мог понять, почему в этот вечер ему так хорошо. Ольга посмотрела на него и тоже улыбнулась.

– Буду. Можно и чего покрепче. Я коньяк привез и вино. Она строго посмотрела на него.

– Тебе потом за руль. Хочешь пить, забирай с собой и де-

лай, что хочешь. Там я не буду видеть, и чувствовать свою ответственность.

– Какая же ты зануда! – засмеялся он. – Не думала в ГАИ пойти работать?

Пришло время, самым младшим ложиться спать. Ярик, очарованный гостем, попросил, чтобы сегодня сказку читал дядя Игорь. Северцев уверил Ольгу, что ему это будет только приятно. Читая заказанную детьми сказку про диких лебедей, под конец он и сам, чуть не заснул. Обстановка в комнате способствовала – неяркий свет ночника, мирно посапывающие детишки.

Ольга закончила с уборкой кухни. Она выглядела немного уставшей, но довольной.

– Даже не думала, что ты так хорошо ладишь с детьми, – улыбнулась она. Он представил, какая, наверное, у нее нежная кожа. И какая она маленькая, хрупкая, и наверняка очень нежная...

– Думаю, пора мне... Тебе же тоже ложиться нужно, – даже как-то смутившись, а скорее больше испугавшись, что не удержит себя в руках, сказал он.

– Хочешь, можем кино посмотреть. С Челентано, например, – она засмеялась, как всегда звонко и заразительно.

– Давай, посмотрим с Челентано, – уходить ему не хотелось. Хотелось побыть еще в атмосфере тепла и уюта. Посидеть рядом с ней. Просто так.

Фильм смотрели, сидя на диване, в ее комнате. Тоже крошечной-прекрошечной. Ольга хохотала, а он никак не мог сосредоточиться ни на Челентано, ни на сюжете в целом. Он, как будто заново перебирал и переживал все впечатления сегодняшнего вечера. Все это было для него новым, можно сказать не испытанным и не знакомым. А, кроме того, близость, сидящей рядом с ним, женщины тоже отвлекала его. Она даже его раздражала. Потому что проявить грубость или хамство по отношению к ней он не мог себе позволить. Женщины, к которым он привык, с которыми он постоянно общается, совсем другие. Они ведут себя по-другому. Радуются совсем другим вещам. Их жизнь, в принципе, отличается от ее жизни. С ними он не задумывался, как себя вести.

Он покосился на смеющуюся Ольгу. И впервые за вечер пожалел, что приехал. Ни к чему это было. Он тоже из другого мира, здесь ему места нет. Он поднялся.

– Оль, мне ехать нужно. Отличный вечер...

Ему показалось, что она смотрит на него с насмешкой, как будто прочитала его мысли. Но ему, вполне могло просто показаться...

Глава 6

Самолет приземлился в аэропорту Ираклиони. В другое время Ольга с удовольствием посмотрела бы местные достопримечательности, полюбовалась крупнейшим греческим островом, но сейчас ей было не до красот созданных природой и человеком. Протиснувшись сквозь толпу, снующих туда-сюда, туристов, она отправилась на поиски человека, который должен был встречать ее и затем устроить ее дальнейший путь, теперь уже по морю, до небольшого островка, который, единственный в настоящий момент, интересовал ее в древней прекрасной стране, обласканной солнцем и богами.

Грек, владеющий русским и английским, как уверяла его страничка в интернете, на которой он предлагал услуги гида, проводника и помощника по разрешению всевозможных затруднений, которые могут возникнуть у туристов, оказавшихся в незнакомой стране, поджидал в тени раскидистого дерева. Он лениво обмахивался табличкой с именем. Увидев Ольгу, он широко улыбнулся белозубой улыбкой и радостно поприветствовал ее. Он надеялся, что, если повезет, и женщина останется довольна, она раскошелится и заплатит ему щедрые чаевые. Он любил работать с русскими. Хороший народ, любящий жить на широкую ногу. Они, обычно, не жадничают, как какие-нибудь немцы или другие европей-

цы.

– Я нашел Вам лучший яхта! – учтиво подхватив ее чемодан, восторженно сказал он, энергично жестикулируя свободной рукой, что бы русская полнее прочувствовала, насколько хорошо он расстарался ради нее.

– Долго отсюда плыть до острова? – спросила она, проигнорировав его высказывание, по поводу «лучший» яхта. Грек слегка пожал плечами.

– Часа четыре-пять-шесть. Как море. Обычно, четыре. – Он вытянул руку с четырьмя растопыренными пальцами, показывая наглядно, сколько часов нужно плыть. – Может быть, вы хотите поесть? Или отдохнуть? Тут можно найти гостиница, хороший ресторан. Я предупредить, яхта будет ждать.

– Нет, – покачала головой Ольга. – Я бы хотела побыстрее добраться до места.

– Понимаю, понимаю, – кивая головой, расплылся в улыбке местный полиглот.

«Лучший яхта» оказалась небольшим суденышком, стареньким, но вполне чистеньким и достаточно удобным. Ольгу проводили в небольшую каюту. На палубе под навесом от солнца были приготовлены фрукты, вино и холодные закуски. Ольга дала знатоку русского сто долларов, и он, очень довольный удачной сделкой, долго махал отплывающему в открытое море, кораблику, в качестве бесплатного бонуса щедрой клиентке.

За бортом неказистого, но шустрого суденышка, поблескивая в солнечных лучах, синело море. Временами синева переходила в различные оттенки зеленого от нежной бирюзы до темного мшисто-зеленого. Над водой носились чайки. Некоторые пристраивались за корабликом, но близко подлететь не решались. Громко вскрикивали, поглядывали черными бусинами глаз на еду, но не могли преодолеть свой страх и улетали в сторону. Ласковый морской ветерок, пропитанный запахом соли и водорослей, играл в волосах, обволакивал и гладил обнаженные руки и плечи. До черноты загорелый капитан что-то крикнул и широко улыбнулся. Помахал рукой. Ольга улыбнулась в ответ. Совсем не обязательно понимать слова. Люди всегда найдут способ общения, если есть желание.

—

Фыркая и издавая подозрительное дребезжание, к дому подъехал маленький старенький автомобильчик. Такос выбрался из машины и протянул руку, намереваясь помочь хозяину.

— Отстань! Я пока еще сам могу вылезти из этого корыта, — огрызнулся Северцев. Он, кряхтя, вылез из машины. Костидис, тоже с кряхтением покинул водительское сидение.

— Мы с тобой как два старика, — засмеялся рыбак.

— Да, Коста, точно. Только я еще и идиот, — сказал Северцев. — Пойдем, выпьем чего-нибудь.

Трое мужчин направились к дому.

– Хозяин! – бросилась навстречу хромающему Северцеву Элени. – Боже, как Вы нас всех напугали! Я думала, что Вы утонули. Совсем. Когда Такос Вас принес, я подумала, что Вы умерли. Я чуть с ума не сошла! Ну как можно быть таким безрассудным?

– Я сто раз говорил, что у тех скал купаться нельзя, – настаивательно сказал рыбак.

– Да, я видимо не слушал, – сказал Северцев. Он ласково похлопал по спине, прижимающуюся к нему, утирающую глаза, растрогавшуюся Элени. – Ну ладно, ладно. Живой я. Ничего мне не сделалось. Чего ты тут сырость разводишь? Тоже нашла из-за чего плакать. Набил пару шишек. В следующий раз умнее буду.

Он попытался отстранить служанку.

– Где мой телефон?

Его не интересовали сейчас причитания Элени. Ему нужно было позвонить. Прямо сейчас. Он больше не будет ждать. К черту. Не поедет он на материк, и не будет пить там и спать со всеми подряд. Ему нужна она. Он уговорит ее приехать. Он напомним ей о ее обещании...

– У нас гостя, хозяин. Русская. Ваша знакомая...

– Элени, идиотка чертова! – прорычал Северцев, отталкивая от себя гречанку, и, не обращая внимания на большую ногу, опрометью бросился к лестнице, ведущей на второй этаж. Болтливая дура! Несет всякий вздор, вместо того, чтобы сразу сказать о самом главном.

– Она в комнате для гостей. Устала с дороги, – сердито крикнула ему вслед Элени. Сумасшедший человек!

– Неужели та самая художница? – с любопытством спросил Костидис, дождавшись, пока русский доберется до второго этажа и не сможет услышать, о чем говорят внизу.

Элени пожала пышными плечами.

– Думаю, да.

– Ну и как она? – не удержался рыбак. Ему страсть как интересно было узнать о женщине, которая, совершенно точно, много значила для хозяина дома. Какая она.

– Маленькая и очень худая, – снова пожала плечами гречанка с некоторым неодобрением. Женщина не должна быть похожа на тощего птенца. У нее должно быть тело, а не одни кожа да кости. Элени вздохнула и уже более мягко сказала: – Но, вроде, милая...

Она снова вздохнула.

– Может у них и сладится. – Уж бог с ним с телом, если хозяину так нравится. Этому болвану нужна женщина. Вон ведь, что творит. Обязательно нужно, чтобы за ним кто-то присматривал. Мужчина не должен быть один, а тем более такой сумасшедший как он.

Она сурово посмотрела на двух мужчин переминавшихся перед ней, с выжидательным выражением на лице. Костидис робко улыбнулся.

– Нужно бы выпить за здоровье хозяина и за его гостью, разумеется, – сказал он и торопливо добавил: – Он сам при-

гласил, когда мы приехали, так ведь, Такос?

Такос энергично закивал, подтверждая слова старого рыбака. Элени смерила их недовольным взглядом.

– Ладно, – сдалась она, наконец. – За здоровье и за гостью и впрямь грех не выпить.

Она мотнула головой в сторону кухни. Мужчины радостно поспешили за ней.

– Одна бутылка вина! – строго сказала она. Ей и самой хотелось поболтать о приехавшей женщине и об их отношениях с хозяином. Но пусть не рассчитывают, что им удастся выпросить у нее еще выпивки. Еще чего!

Глава 7

Он осторожно открыл дверь, и, стараясь не шуметь, вошел в комнату. Сердце билось как сумасшедшее.

—

Кораблик причалил к острову. Никакой пристани не было, просто песчаный берег. Неподалеку покачивались на набегающих волнах два маленьких рыбацких суденышка. Несколько лодок лежали на берегу перевернутыми. Капитан спрыгнул в воду, совершенно прозрачную – дно отлично просматривалось. Вытянув вверх сильные, загорелые руки, он подхватил свою пассажирку и перенес ее на берег. Потом принес багаж. Все это время он не переставал широко улыбаться.

Со стороны деревни, располагавшейся совсем неподалеку от берега, подошли четверо мужчин. Они тоже дружелюбно улыбались, посматривали на Ольгу с нескрываемым любопытством. Капитан перебросился с ними несколькими фразами, после чего один из местных подошел к Ольге. Слегка поклонившись, он что-то сказал. Она, естественно ни слова не поняла.

— Я ищу Игоря Северцева, — сказала она, надеясь, что мужчине знакомо имя русского, проживающего на их острове. Он радостно закивал головой, заулыбался еще шире. Подхватив ее чемодан, он поманил ее за собой. Ольга распла-

тилась с капитаном и, помахав ему на прощание, направилась за мужчиной, взявшимся помочь ей в поисках Северцева. Он подвел ее к старенькой, сильно потрепанной машине. Галантно распахнув дверцу, он жестом предложил ей занять пассажирское сидение, затем закинул на заднее сидение ее вещи. Он что-то говорил, но Ольга не понимала. Она понимала только, что мужчина, который знать ее не знает, ведет себя как будто она старая знакомая, как будто он рад ее приезду и рад ей помочь. И это было как-то трогательно, немного непривычно и необыкновенно приятно. Люди здесь были улыбочивыми, открытыми, и от проявления такой доброжелательности и готовности помочь, сердце переполнялось радостью, а настроение само собой стало просто отличным. Последние сомнения по поводу правильности решения приехать сюда, развеялись. На душе сделалось легко и хорошо.

Машина задрожала, несколько раз фыркнула и кашлянула, будто ее одолевал тяжелый недуг. Несколько секунд она потарахтела, содрогаясь всем корпусом, и, наконец, когда Ольга уже решила, что поездка на данном транспортном средстве не состоится, машинка тронулась с места и поехала, причем неожиданно шустро. Через несколько минут впереди показался большой дом. Водитель радостно указал на него рукой. Ольга поняла, что они приехали.

Дом был похож на «Дом у скалы». Он располагался на плоской вершине большой скалы, немного возвышаясь над окружающей местностью. Ольга улыбнулась. Вероятно, Се-

верцеву нравились такие дома, без внешних изысков. Простота и лаконичность. И, его чем-то привлекали скалы. В отличие от дома в Хороводово этот, также, как и дома в деревне, был белым. Здесь, где все было залито яркими лучами солнца, утопало в зелени и цветах, темные, мрачные тона смотрелись бы неуместно.

Водитель ловко выпрыгнул из машины и вновь проявил себя чрезвычайно галантным и воспитанным джентльменом. Он открыл перед Ольгой дверь и помог ей выйти. Он отказался от предложенных ею денег. Энергично замахал руками, замотал головой, и начал что-то быстро-быстро говорить. Она не стала настаивать, подумав, что может его даже обидеть, продолжая предлагать плату за оказанную помощь. Снова расплывшись в улыбке и дружески помахав ей рукой, мужчина влез в, заходящуюся в припадках чихания, тарактения и страшных хрипов, машину и уехал.

Ольга прошла через просторную лужайку, по выложенной светлыми каменными плитами дорожке. Входная дверь была не заперта. Она постучала. Не дождавшись ответа, она вошла в дом. Внутри было прохладно и после яркого солнечного света даже немного сумрачно.

– Эй! Есть кто-нибудь? – позвала Ольга. – Игорь!

Из широкого дверного проема, расположенного в дальней части просторной гостиной, совмещенной с прихожей, выглянула полная темноволосая женщина. Она взглянула на Ольгу немного удивленно и в то же время с любопытством.

– Калимера кириа?! – певучим голосом обратилась она к гостье.

– Простите, я не понимаю греческий, – чувствуя, что оказалась в несколько затруднительной ситуации, сказала Ольга. Ее собеседница, наверняка, тоже не поймет, что она говорит, если только Северцев не научил женщину, вероятно являющуюся прислугой или экономкой, русскому. – Мне нужен Игорь Северцев.

Женщина расплылась в широкой улыбке. Всплеснув руками, она направилась к Ольге, что-то безостановочно говоря, и то молитвенно складывая руки перед собой, то прижимая их к пышной груди. Она решительно забрала у Ольги чемодан, не обращая внимания на ее попытки протеста, и взяв ее за руку, повела вглубь дома.

Женщина ни на минуту не закрывала рта. Ее совершенно не смущало, что гостья явно ее не понимает. Первым делом она усадила Ольгу за стол и за несколько секунд, как по волшебству, устала его множеством тарелок и мисок с аппетитно пахнувшей и не менее аппетитно выглядевшей едой. Ольга не собиралась есть, но увидев все это щедро предложенное заботливой гречанкой угощение, почувствовала, что ужасно проголодалась. Еда была необыкновенно вкусной. Гречанка то и дело подкладывала Ольге в тарелку то одного, то другого и вскоре она почувствовала, что если съест еще хоть немного, то просто лопнет. Она прикрыла рукой тарелку, когда гречанка в очередной раз хотела наполнить ее

новой порцией еды, и, смеясь, помотала головой. Потом хлопала себя по животу. Гречанка скептически посмотрела на плоский живот гостьи и с явным сожалением отпустила ее из-за стола.

Ольга уже догадалась, что Северцева нет дома. Узнать где он и когда вернется, не представлялось возможным. Но после долгой дороги, сытной еды, последних почти бессонных ночей и собственных переживаний, она чувствовала, что на нее наваливается страшная усталость. В любом случае, она сегодня уже не собирается разыскивать его, где бы он ни был. Гречанка, очевидно, заметив, что гостья выглядит утомленной, проводила ее в большую уютную комнату на втором этаже и дала понять, что она может здесь располагаться и отдыхать.

Умывшись и приведя себя в порядок, Ольга с чувством настоящего блаженства растянулась на большой кровати, стоявшей у окна. Сквозь открытые створки до нее долетал ласковый ветерок. Слышалось пение птиц. Воздух наполняли запахи лета, солнца, цветов. Ольге казалось, что она даже чувствует запах моря. Ее охватило ощущение покоя, легкости, умиротворения. Снова слышался шум волн, ей казалось, что ее покачивает как на кораблике. Впечатления насыщенного дня проплывали перед глазами. Она не заметила, как уснула.

—

Он сделал несколько шагов и остановился. Она спала,

свернувшись клубочком, как ребенок. Комната тонула в полумраке, и он не мог разглядеть ее лица. Ольга казалась совсем маленькой, беззащитной. Женщина, явившаяся из его прежней жизни, его прежнего мира. Единственная частичка прошлого, об утрате которой он сожалел. Сожалел, как оказалось сильнее, чем он сам себе готов был признаться. Он почувствовал, как перехватывает дыхание, и даже в горле встал комок. Почему она трогает в его душе что-то, что никто больше не может затронуть? Полнейшая глупость. Он сделал еще пару шагов и посмотрел на нее с внезапно нахлынувшей, непонятно откуда взявшейся, нежностью. Он не хотел ее будить, но в то же время, он хотел увидеть ее глаза, услышать ее голос. Она, наверняка, приехала ненадолго. Ему не хотелось терять понапрасну имеющееся время. Он осторожно сел на кровать.

Женщины всегда делились для Игоря Северцева на две категории. На тех, которые его привлекали. С ними, если все складывалось, он спал. И на тех, которые не привлекали его сексуально. Эти женщины вообще не интересовали его. Она была другой. Не относилась ни к одной из категорий. Разумеется, она привлекала его как женщина, и он переспал бы с ней, представься подходящий случай, и изъяви она желание. Но между ними ничего никогда не было, и хотя случаев, в общем-то, было предостаточно, когда можно было как-то свести все к постели, он так и не сделал попытки. Не хотел, чтобы все было так как с другими – животная

страсть, без чувств, без соответствующего настроения и обстановки. Несмотря на отсутствие близости, ему было хорошо рядом с ней. Просто так хорошо. Он даже сам не хотел все портить более близким контактом. Боялся утратить то непонятное, неуловимое, чего не испытывал с другими.

Ольга открыла глаза и улыбнулась.

– Привет! – она протянула к нему руку. Он сжал маленькую ладошку в своей, большой и крепкой. Пальцы у нее были тоненькие и прохладные. Сердце сжалось, переполняясь смесью нежности, радости и боли, и какой-то странной, необъяснимой, почти невыносимой тоской. Она приподнялась и обняла его.

– Я ужасно рада тебя видеть!

Он прижал ее к себе крепко-крепко. Он тоже был ужасно рад.

– Ты там совсем отощала в своей Москве, – почему-то слова с трудом проходили через горло. Голос как будто сел.

Она засмеялась, откинув голову назад, звонко и заразительно, как всегда. Он скучал по ее смеху. Возможно, что сильнее всего он скучал именно по нему. И еще по ее глазам.

–

Из окна на кровать падал лунный свет. Они лежали, тесно прижавшись, друг к другу, глядя глаза в глаза. Она погладила его по щеке. Он блаженно зажмурился, но тут же снова посмотрел на нее. Ему хотелось видеть ее. Хотелось знать, что она рядом, ощущать ее. «Я становлюсь идиотом рядом с

ней», – подумал он, улыбаясь, сам не зная чему.

–

Остров и вправду был красивый. Северцев, обычно, если и ходил куда-то, так только от дома до деревни, но обычно ездил на машине. Изредка он ездил на виноградник, расположенный в дальней части острова. А, чтобы просто гулять без какой-то цели, он даже не мог вспомнить, было ли такое. Наверное, не было. Ольга предложила пройтись, и они пошли. Нога болела, но он не обращал внимания. Не отвалится, в конце-то концов. Уж как-нибудь он переживет и не такое переживал.

Перед ними был большой луг. Изумрудная трава. Яркие цветы, высывающие из шелковистой густой травы, тут и там, свои разноцветные головки. Порхающие бабочки, трудолюбивые пчелы, деловито летающие над цветами, то и дело, ныряя внутрь бутонов и с жужжанием вылетая обратно с запасом цветочной пыльцы. Вдали виднелись холмы, поросшие травой, с вылезающими из бархатной зеленой поверхности большими каменными глыбами. Красиво. Ольга легла на траву. Она радостно смеялась. Он залюбовался ею. На ней было летнее платье. Не такое, в каких она ходила с ним на всякие мероприятия. Простое. Белое с цветами, похожими на маки.

– Иди ко мне, – радостно улыбаясь, позвала она.

Слегка прихрамывая, он подошел к ней и опустился рядом, чувствуя облегчение от того, что можно передохнуть и

вытянуть ногу, при каждом шаге напоминающую о себе, ту-
пой болью.

– Здесь так красиво. И спокойно... – сказала она.

– Да, спокойно, – он закинул руки за голову. Над ними
простиралась яркая голубая высь. Было хорошо лежать на
мягкой траве.

– Неужели ты все время проводишь на острове? – она вни-
мательно посмотрела на него и снова рассмеялась, – Ты, мне
кажется, совсем не из тех людей, кто склонен к тишине и
уединению.

Он пожал плечами. Сорвал травинку и зажал ее между
зубами, как в детстве.

– Иногда я езжу на материк. Но, наверное, я старею. Быст-
ро надоедает. И я возвращаюсь.

– Тебе здесь нравится?

Он снова пожал плечами.

– Не знаю. Мне все равно, где жить. Я не привязываюсь к
месту. Я, наверное, вообще мало к чему привязываюсь...

«Я привязан к тебе, сам не знаю почему». Он, естествен-
но, не стал озвучивать мысль. К чему говорить вслух все глупо-
сти, которые приходят в голову?

– Как там, в Москве? – без особого интереса спросил он.

– Все так же. Не знаю. Ты не скучаешь?

– Нет, а по чему я должен скучать? Я даже не думал об
этом.

Он повернул голову и посмотрел на нее. В глазах у нее

отражалось небо и солнце. Через несколько дней она уедет. Небо и солнце останется, но они будут там, в вышине, где и всегда, а не в ее глазах. Интересно, если бы у нее не были такие красивые глаза, может он все же и бросил бы ее тогда на дороге? А может, нужно было так и сделать? Было-бы, наверняка, все намного проще...

Он провел кончиками пальцев по ее щеке и улыбнулся, потом снова улегся глядя на небо.

– На сколько ты приехала? – вглядываясь в яркую синеву над собой спросил он.

– На четыре дня.

– Понятно.

Значит, она будет здесь еще три дня. Что ж, не так плохо. Может они за это время успеют надоесть друг другу так, что не смогут друг друга видеть. А может, летом она снова придет к нему с мальчишками. Он прикрыл глаза. Тело, несмотря на усталость и боль в ноге, переполняла легкость.

– Хотела бы здесь жить?

– Не знаю. Может быть, – она помолчала. – Но я бы не смогла жить в таком месте. Из-за детей. Им нужно учиться...

Он слегка кивнул. Конечно. Все правильно, дети должны учиться. Она хорошая мать, и в первую очередь думает о них.

Они еще немного полежали, ни о чем, не разговаривая, просто вбирая в себя тишину, солнечное тепло и запахи лета.

Навстречу, по разогретой солнцем дороге, шел высокий худой мужчина. Седые волнистые волосы спускались почти до плеч. Длинная темная ряса ясно давала понять, что это священник. На темной ткани, на груди поблескивал тусклым серебром большой крест. Он широко улыбался.

– Здравствуйте, святой отец, – поприветствовал служителя церкви Северцев. Священник дружески кивнул головой, отвечая на приветствие, слегка поклонился Ольге, ни на секунду не переставая улыбаться. Улыбка у него была приветливая, дружелюбная, как у всех жителей острова. Яркие, почти синие глаза, тоже смотрели весело. Вероятно, он был не прочь и посмеяться, и пошутить.

– Это Ольга, моя соотечественница, – представил подругу Северцев.

Священник приложил руку к сердцу и вновь слегка поклонился, давая понять, что очень рад знакомству.

– Она не говорит по-гречески, – на всякий случай, сразу уточнил Северцев, если вдруг, святому отцу придет в голову поболтать с его гостьей.

– Do you speak English? – обратился священник к Ольге.

– Yes, a bit say, – улыбнулась она. Северцев недовольно покосился на подругу. Не заметив этого проявления недовольства, она и святой отец, продолжили говорить, довольно оживленно, на английском.

– Как Вам наш остров, дорогая госпожа Ольга? – радуясь, что они нашли способ общения, спросил священник.

– Он очень красивый!

– Вы уже были в деревне?

– Только вчера, когда приехала. Мы как раз идем туда.

Здесь очень доброжелательные люди, – сказала Ольга. Священник был очень симпатичный, приятный. Все здесь на острове было замечательно, и природа, и люди.

Северцев переминался с ноги на ногу. Он подозрительно поглядывал то на священника, что-то увлеченно рассказывающего Ольге, то на нее. Она радостно улыбалась. Внимательно слушала старика. Северцев не понимал английский, и его нервировало, что он находится в неведении, о чем никак не могут наговориться эти двое. Святой отец так просто заливался соловьем. «Старый пройдоха!» – начиная злиться, подумал Северцев. Ольга, заметив, что он стоит насупленный и недовольный, взяла его за руку.

– Святой отец рассказал мне, как много ты делаешь для жителей острова. – Она многозначительно приподняла брови и рассмеялась. Северцев метнул неприязненный взгляд на священника. Старый хрыч, язык как помело!

– И еще он сказал, что сожалеет, что никак не уговорит тебя посещать церковь и присутствовать на службах. Но он признает, что добрые дела господь ценит даже больше чем примерное посещение святой церкви. И тебе обязательно воздастся за то, что ты делаешь.

– На каком свете, не сказал? – сердито буркнул Северцев. – Чертов святоша! На этом острове вообще живут одни

болтуны. Хлебом не корми, дай языком почесать.

Они распрощались со священником и пошли в сторону деревни. Ольгу забавляла реакция Северцева на слова священника.

– Почему ты сердишься? Люди обычно гордятся своими добрыми делами, даже стараются выставить их напоказ, кое-кто, даже приукрашивает собственные заслуги, а ты, как будто наоборот – стесняешься, – подтрунивала она.

Он сердито посмотрел на нее, но не выдержал и улыбнулся.

– Ты прямо как местные. Тоже несешь всякую ерунду. Воздух что ли такой? Что все становятся болтливыми пустомелями.

Она рассмеялась.

– Теперь зато я знаю, что ты не только мой ангел, но и целого острова.

Он тоже рассмеялся.

– Правильно говорит старик Коста – все женщины одинаковые, у всех ума кот наплакал.

– Какой же ты все-таки ужасный, невыносимый хам, – расхохоталась она.

Впереди показалась деревня. На фоне синего-синего моря, видневшегося вдаль, казалось, что, сверкающие белизной дома, как будто вылеплены из снега.

– Боже, как красиво! – она схватила его за руку, восторженно глядя на открывшийся перед ними вид.

Почему-то сердце в груди у него подскочило и сильно забилось. Ему было наплевать на то, как выглядят дома, которые он видел сотни раз, и на то, как они смотрятся на фоне моря. Просто она и впрямь странно на него действовала. Может она ведьма? Он слегка ухмыльнулся собственной дурацкой мысли. Придет же в голову.

Она посмотрела на него и застала врасплох, потому что он отвлекся на всякие глупости и потерял бдительность.

– Ты сильно хромаешь. Как нога? Наверное, зря мы так много прошли.

– Да, нормально. Просто повязка мешается, идти неудобно, поэтому и кажется, что хромаю.

Понимая, что он самым бессовестным образом ее обманывает, она с укором посмотрела на него. Что за характер? Видя, что версия с повязкой не прокатила, и она смотрит встревоженно и расстроено он шутиливо предложил:

– Можем устроить пробежку до деревни, только боюсь, ты в твоём-то возрасте не выдержишь, – ухмыльнулся он, испытывая сильнейшее желание сесть прямо на дорогу и никуда больше не идти. Но, вместо этого он прибавил шаг и потянул ее за собой.

– Ты как всегда очарователен, – улыбнулась Ольга. Она видела, что он даже морщится время от времени от боли, но решила больше ничего не говорить на эту тему, все равно толку никакого. А то еще он и впрямь пустится бегом, чтобы показать, что с ним все нормально. «Упрямый, как осел!

Лучше умереть, чем признать, что и ему свойственны человеческие слабости».

Они дошли до первых домов. Люди на улице здоровались, улыбались им. Ольге то и дело приветливо кивали. Мужчины подходили, здоровались с Северцевым за руку. Ольге улыбались, немного смущенно, прикладывали руки к груди, кланялись, что-то говорили, энергично кивая головой.

– Какие здесь все дружелюбные, – улыбаясь, сказала Ольга. – Такая приятная, легкая атмосфера. Чувствуешь себя не чужой, совершенно случайно оказавшейся здесь, а желанной гостьей.

– Здесь деревня. Все друг друга знают. Люди простые, неиспорченные. Им нечего делить, не из-за чего и нечему завидовать – все живут одинаково. Бедно, почти в нищете. Здесь трудная жизнь, несмотря на всю эту окружающую красоту. Люди много работают, что бы прокормить себя и свои семьи. Примерно, как и везде. Но остров – это изолированное место. Вот они и сохранили в себе доброжелательность и открытость, и умение радоваться тому немногому, что посылает им жизнь, и, главное, умение делить свою радость с другими.

Она посмотрела на него немного удивленно. Не ожидала, что он думает о подобных вещах. Он был очень высокий. Живя на острове, он похудел. Лицо стало таким же загорелым как у местных жителей. В темных глазах, как всегда, полыхало неукротимое пламя. Ольга испытала желание до-

тронуться до него. Прикоснуться, обнять. Почувствовать его губы на своих. Но вокруг были люди. Она отвернулась. Он, как будто прочитав ее мысли, притянул ее к себе.

– Пойдем, нас приглашают перекусить. Здесь делают необыкновенно вкусное вино. Ни в одном ресторане такого не попробуешь.

– А еда? – улыбнулась она.

– И еда ничего.

Он сжал ее ладонь и посмотрел на нее таким взглядом, что у нее перехватило дыхание. «Как я буду жить без тебя?» – захотелось крикнуть ей. Но слова ничего не могли решить. Так сложилась жизнь. Тут ничего не поделаешь? Она повернула голову в сторону моря, и пока они шли к, накрытому прямо на улице столу, не отрываясь, смотрела на легонько покачивающуюся гладь воды, прогоняя, подступившие к глазам, слезы.

К радости Ольги Северцев согласился, что бы их довели до дома на машине. В душе он уже мечтал поскорее плюхнуться в мягкое кресло.

Когда они подъехали к дому почти стемнело. В сгущающихся сумерках дом напоминал большой белый корабль. На небе загорались первые звезды. Воздух был наполнен ароматом трав и цветов. Слышалось пение цикад. Где-то вдалеке пронзительно вскрикивала какая-то ночная птица. Выбравшись из машины, Северцев взял Ольгу за руку, и они пошли к дому. «Как было бы хорошо, чтобы так было всегда», – с

грустью подумала она.

—

Они завтракали в столовой. Элени сновала от стола к кухне, ставя на стол все новые и новые блюда.

— Удивляюсь, что ты здесь даже похудел при таком питании, — смеясь, сказала Ольга. — Мне каждый раз кажется, что я лопну. Элени прекрасно готовит. Просто невозможно удержаться. Тебе повезло.

Услышав свое имя, гречанка расплылась в улыбке. Северцев что-то сказал ей, видимо передал Ольгину похвалу, и она, вся зардевшись, порывисто приложила руки к груди.

— Ну все, теперь старая болтунья полдня будет в себя приходить от счастья, и будет каждый раз ставить мне на вид, что, мол, госпожа Ольга сказала так-то, — насмешливо проворчал Северцев.

Элени что-то быстро начала говорить. Неожиданно Северцев перестал улыбаться, лицо у него сделалось злым. Он рывкнул на служанку и встал из-за стола.

— Что случилось?! — испуганно спросила Ольга.

Он молча прошел мимо нее и пошел к входной двери. Глаза у него полыхали гневом.

Дойдя до двери, он обернулся, и, насмешливо посмотрев на обеих женщин, сказал:

— Элени предложила через два дня устроить праздник в твою честь. Позвать гостей. — Он впился в лицо Ольги холодным взглядом. — А я сказал, что через два дня ты улетаешь,

и ни какой праздник на х... никому не нужен.

Сердито глядя на Северцева, гречанка покачала головой и что-то сказала. Северцев, уже шагнувший за порог, вернулся в дом и крикнул:

– А сейчас она сказала, что я болван. – Он злобно ухмыльнулся. – Чертова баба не умеет держать свой рот закрытым. Вечно что-нибудь болтает своим длинным языком.

Он вышел на улицу, шарахнув дверью так, что задрожали оконные стекла. Ольга вздрогнула, а Элени снова назвала его болваном. На этот раз Ольге переводчик не требовался.

Он сидел в плетеном кресле позади дома и курил. Ольга подошла и села рядом.

– Зачем ты обидел ее? Она хотела как лучше. Думала, ты обрадуешься...

Он не ответил, продолжая молча смотреть на скалы.

Спустя пару минут он взял ее руку и поднес к губам.

– Она привыкла. Знает, какой я м...к.

– Почему тебе пришлось уехать из России? – некоторое время спустя спросила Ольга.

– Так получилось. С властями были проблемы.

– Ну, ты же не бандит, в конце-то концов. Или все же бандит? – улыбнулась она. Она понятия не имела, чем он занимался, насколько законными были его дела. Все слухи, которые ходили о нем, она воспринимала как сплетни – нико-

гда не знаешь, что в них правда, а что нет. Все, что угодно, любую информацию можно перевернуть или исказить, до неузнаваемости, раздуть до невероятных размеров. В конце концов, его же выпустили из страны. Значит, не такой уж он отъявленный злодей.

– Не все, чем я занимался, было законно, скажем так. Не то, чтобы что-то страшное, но меня могли прижать и прижать сильно. Поэтому уехал. Не на зону же отправляться. Меня бы все равно достали, раз уж взялись.

– Ты никогда о себе ничего не рассказывал.

– А о чем рассказывать? – пожал он плечами. – Не интересно.

Немного помолчав, он снова заговорил, в конце концов, почему бы ей не знать правду о нем?

– В молодости, я загремел на зону по малолетке. Потом еще раз. А когда вышел, понял, что у меня два пути – всю жизнь мотаться с зоны на зону или заняться нормальным делом и начать другую жизнь.

– И ты занялся бизнесом?

– Да, занялся. Но на дворе были девяностые, так что, сама понимаешь, как тогда велись дела, чтобы тебя самого не грохнули, и еще и что-то при этом заработать умудриться.

Она засмеялась.

– Я понятия не имею. Я тогда училась. Потом семья, дети. От бизнеса я была далека. «Бригаду» и другие подобные фильмы я воспринимала исключительно как кино, а не как

иллюстрации к происходящему в жизни.

Он улыбнулся. Она смешная.

– Да и правильно, что понятия не имеешь обо всем этом. Не бабское это дело. Особенно в те годы. Короче, поднялся я не за счет пожертвований на детские дома или каких-то других добрых дел. Всякое было. Тебе, как я сказал, знать ни к чему.

Он закурил и несколько минут вновь смотрел вдаль, погружившись в собственные мысли. Вероятно, вспоминая лихие времена своей молодости.

– Ну, что, небось теперь думаешь, что я страшный человек, – ухмыльнулся он, снова поворачиваясь к ней.

Она пожала плечами.

– Думаю, ты не страшнее множества живущих в этом мире людей. Просто подавляющее большинство скрывает свои нехорошие дела и свои пороки под маской добродетели. Прячет истинное лицо.

– Если бы ты только знала, сколько людей пострашнее меня раз в десять, отирается у власти и занимает высокие посты и ответственные должности. И, не зная, даже никогда и не подумаешь, что там у них на самом деле, как ты говоришь, под маской. Какие страшные секреты они там прячут. Да лучше тебе и не знать, и даже не думать об этом. Ты – чистая душа. Не нужно тебе марать себя подобными вещами. Продолжай жить в чистоте и неведении, моя голубка. – Он невесело усмехнулся и провел кончиком пальца по ее ру-

ке. – Этот мир страшный и жестокий. Возможно, в таких местах, – он обвел вокруг себя рукой, – живут последние, более-менее хорошие, не испорченные люди. Тоже чистые душой, благодаря своей простоте и неискушенности. А ты, там у себя, живешь среди волков.

– Ну, у меня есть ангел-хранитель, – приподнимая бокал с вином, шутливо, чтобы немного развеять мрачное направление беседы, сказала она. – И он оберегает меня от ужасов и опасностей страшного и жестокого мира.

Северцев почувствовал, что настроение у него испортилось. Разговор подействовал не лучшим образом. Всплыли ненужные, давно забытые воспоминания. Как призраки прошлого, бросающие тень на настоящее.

Он поднялся из кресла.

– Пойдем, моя чистая душа, прокатимся до деревни. Попросим старика Косту устроить нам морскую прогулку вокруг острова.

Она подала ему руку. И он подумал, что будь его воля, он ни за что не отпустил бы ее обратно, в холодный бездушный мир, полный зла, в котором человечность и доброта, скорее редкость, почти исключение. Туда, где так много людей, которые, как она сказала, прячутся под масками. Но от него, в данном случае, ничего не зависело. Держась за руки, они пошли в сторону гаража.

–

В лучах заходящего солнца море поблескивало и пере-

ливалось разноцветными огоньками. Вдаль, до самого горизонта, по воде бежали золотые дорожки. В маленьких домиках на берегу зажигались огни. Воздух наполняла прохлада, освежая, приятно холодя кожу после жаркого дня. В небе, одна за другой, вспыхивали звезды. Было очень тихо. Смолкли крики птиц, замерли звуки дня, и только плеск воды, ударяющейся о борт лодки, нарушал, эту, почти полную тишину. И почти невозможно было поверить, что мир простирается далеко за пределы маленького острова. Казалось, что вся жизнь сосредоточилась здесь, в этом месте. Что есть только море, небо, скалистый берег, облепленный маленькими домишками, и в центре всего этого уютного мирка, покачивающаяся на волнах, старая рыбацкая лодка.

– Я рад, что ты приехала, – сказал он. Она улыбнулась, удивительная, романтическая атмосфера вечера подействовала даже на него.

К берегу подошли несколько рыбаков. Мужчины натаскали веток, разожгли костер. Сухие ветки уютно потрескивали в вечерней тишине. В отсутствие ветра дымок от костра поднимался высоко вверх. Совсем рядом тихо вздыхало море, с шуршанием набегая на берег, осторожно ворочаясь в темноте своим огромным телом. Море было своенравно, настроение его было переменчиво, но сегодня оно было в благодушном расположении и не желало тревожить маленьких человечков, устроившихся на берегу, давая им возможность спокойно насладиться прелестью и спокойствием юж-

ной ночи. Один из рыбаков принес плащ и накинул Ольге на плечи. Грубая ткань пахла солью и рыбой. Но запах не был неприятным или раздражающим. Он вписывался в общую атмосферу, как будто являясь неотъемлемой ее частью, дополняя ее. Разлили домашнее вино по керамическим кружечкам. Мужчины о чем-то оживленно разговаривали, смеялись. Она ничего не понимала, но чувствовала себя необыкновенно хорошо и уютно. Северцев одной рукой обнимал ее, а другой энергично жестикулировал, что-то рассказывая рыбакам. Они хохотали. Ольга улыбнулась. Так хорошо! Чудесная ночь.

– Не устала? – спросил он. – Если устала или надоело, поехали.

Она помотала головой.

– Нет. Мне нравится. Хорошо бы ночь никогда не кончалась...

В темных глазах полыхнул огонь.

– Да, хорошая ночь.

Он крепче прижал ее себе, и Ольга почувствовала, как защипало глаза. Возможно дым от костра все же умудрился до них добраться.

–

Ночь была волшебная, наполненная страстью и необычайной нежностью. Они уснули, когда первые лучи солнца уже окрасили вершины скал прозрачным розово-золотистым светом.

Открыв глаза, он в первый раз испытал злость, увидев ее спящей напротив себя. Она лежала, укрывшись простыней, тоненькая, нежная и необыкновенно хрупкая. Он отвернулся. Едва сон отступил, он вспомнил, что это утро последнее. Завтра ее здесь не будет.

Он никогда не любил просыпаться рядом с кем-то. Присутствие постороннего человека с утра раздражало его. От своих любовниц, он, чаще всего, уезжал посреди ночи, сразу после того как все заканчивалось. Если все же оставался до утра или ночевали у него, он старался как можно скорее уйти или спровадить гостью из своего дома. Объятия, сюсюканье, вешающиеся на шею женщины, к которым он уже потерял интерес и остыл, получив то, что хотел, были ему не интересны. Утомляли и даже раздражали.

Когда она только приехала, после первой ночи, проведенной вместе, он впервые не почувствовал, проснувшись утром, ни недовольства, ни раздражения. Не было желания встать и уйти, поскорее отделаться от нее. Хотелось, наоборот, лежать, тесно прижавшись друг к другу, ощущать ее присутствие, тепло ее тела. Смотреть на ее лицо. Касаться ее. Это было приятное чувство.

Сегодняшнее утро было отравлено сознанием предстоящего расставания. Он больше не ощущал радости. Он злился не на нее, а на себя. На то, что так глупо реагирует, на то, что не хочет отпускать ее. На то, что позволил себе привязаться, стать уязвимым, зависимым. Это проявление слабости, а он

ненавидел слабость. Злило собственное бессилие, сознание того, что он ничего не может изменить. Ни как не может повлиять на ход событий. Черт бы ее подрал! И его самого и весь этот поганый мир.

Накануне они съездили на соседний остров, он был чуть побольше этого. Они немного побродили по острову, осмотрели старинную оборонительную крепость, построенную на скалистом берегу, много столетий назад. Обошли несколько небольших пещер. Под сводами одной из них было озеро. Северцев напугал Ольгу, зашедшую по колено в темную воду, сказав, что в таких озерах водятся морские змеи. Она с визгом вылетела из воды, а он хохотал так, что эхо его смеха разносилось вглубь каменных лабиринтов, отражаясь от стен и многократно повторяясь, превращаясь в сплошной гул. Ольге даже показалось, что вдалеке слышатся звуки осыпающихся камней, потревоженных этим демоническим сотрясением воздуха. Они пообедали в маленьком ресторанчике, попробовали папуцаки – блюдо из баклажанов с мясной начинкой и поджаренный на гриле сыр халуми. Послушали критскую лиру и греческую гитару – бузуки.

Северцев предлагал, на оставшееся время, поехать на Крит, взять машину напрокат и осмотреть остров. Но она отказалась. Ей хотелось, еще немного насладиться очарованием немногочисленных уютных островков. Побывать в мире тишины и покоя, где течение времени почти незаметно. Дни проходят плавно и неторопливо. Никто никуда не спешит. Нет

хаоса и неразберихи, создаваемых многочисленными вездесущими толпами туристов, желающих получить как можно больше впечатлений за предельно короткий срок. Здесь, в этом уединенном мире, между человеком и природой царит гармония. Природа щедра, а человек не ослеплен ненасытной жадностью. Берет столько, сколько ему необходимо. И искренне благодарен, за то, что ему дано. Дни наполнены солнечным светом и соленым морским воздухом. А ночи и вечера дарят не только прохладу, но и умиротворение, наполняют душу ощущением счастья и заставляют сердце трепетать от радости и одновременно от тихой грусти.

Но дни закончились, и ночи тоже. Пора было возвращаться в «большой», привычный мир. И оставить волшебство этого, маленького и прекрасного.

—

После завтрака Костидис отвез их на соседний остров, с которого на Крит ходил пассажирский кораблик. Перед отъездом Элени со слезами на глазах обнимала милую кириа. Что-то говорила. Северцев прикрикнул на нее. Элени смерила его ледяным взглядом, и, поцеловав Ольгу в последний раз, с обиженным и гордым видом ушла на кухню. Ольга с упреком посмотрела на него.

– Зачем ты так с ней?

– Знает, что ты ни х... не понимаешь по-гречески и все равно трещит без умолку, – огрызнулся он.

Ольга пожала плечами. Она видела, что он не в духе с са-

мого утра. У нее тоже на душе скребли кошки. Сердце сжимало осознание скорой разлуки.

–

До самолета оставалось несколько часов. Они побродили по городу. Ольга купила детям подарки. Северцев накопил еще целый чемодан подарков от себя.

– Ты решил скупить все, что здесь продается? – смеясь, сказала она. – Как я все это дотащу?

Она чувствовала себя как человек, которому вкололи наркоз. Сейчас она не ощущала боли или горечи расставания. Она вообще ничего не ощущала, ходила, как в полусне. Смотрела на дома, на достопримечательности, на выставленные в магазинчиках товары. И ничего не видела. Не могла сосредоточиться ни на чем. «Наверное, завтра будет очень больно», – равнодушно думала она. Они дошли до небольшого кафе и сели за столик на улице. Северцев сделал заказ. Ольга даже не могла вспомнить, спросил ли он ее, что она будет, или сам все заказал. Ей было все равно, что ей принесут. Она не хотела есть.

–

– Может, приедете с мальчишками на лето? Дом большой, всем места хватит. Ты говорила у тебя собака, можешь и ее привезти. Только на границе, наверное, могут быть проблемы. Прививки какие-то специальные нужно делать, – сказал он тоном, каким спрашивают, не хочет ли кто-нибудь бутерброд или еще чашечку чая. Глаза у него просто полыхали.

Она слегка кивнула.

– Может быть, – у нее глаза были грустные-прегрустные.

Они больше не встретятся. Если бы она собиралась приехать, она бы сказала – хорошо или да, или мы приедем. Может быть, это значит – нет.

На него волной накатило бешенство. «Как только твой самолет оторвется от земли, я отправлюсь в бордель и перетрахую там всех шлюх. И забуду о тебе к чертовой матери раз и навсегда. И не вспомню. Никогда! Катись в свою е... Москву!» – захотелось ему заорать. Он отвернулся, пытаясь сдержать свою злость, взять себя в руки. Он сам себе стал противен. Неужели он такой слабак, что готов выглядеть дураком и сволочью, лишь бы сделать ей больно? Выплеснуть на нее свое недовольство, свою боль и свою обиду. Скорее бы она уже улетела. Он не хочет ее больше видеть. Никогда в жизни.

– Игорь, может ты не будешь ждать и пойдешь? – сказала она. Голос у нее был безжизненный, монотонный.

– Чего, не можешь дождаться, когда отделаешься от меня, – ухмыльнулся он.

– Просто не люблю момент прощания, – чувствуя, что сейчас заплачет, сказала она. Наркоз переставал действовать, и она боялась, что не сумеет сдержаться.

– Я люблю. Просто обожаю, – грубо сказал он.

–

3,5 года назад.

Он налил вино в бокалы. Она улыбнулась.

– Замечательный вечер, – поднимая бокал, сказала она.

– Я уезжаю.

Она взглянула немного удивленно. Он никогда не сообщал о своих планах.

– Надолго? – спросила она, решив, что раз уж он заговорил о поездке, нужно что-то сказать.

– Навсегда. Я уезжаю из России.

Ее рот приоткрылся от удивления. Это и впрямь была неожиданная новость.

– Куда ты едешь? – растерянно спросила она. Он пожал плечами.

– Почему ты вдруг решил уехать? Тебе стало скучно в России? – она улыбнулась, хотя ей было немного грустно. Ей будет не хватать его. Со всеми его странностями. Будет не хватать его непредсказуемости.

Он не ответил на вопрос. Сделав глоток вина, он пристально посмотрел на нее.

– Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Она изумленно уставилась на него. Рот снова, сам собой, открылся. «Я, наверное, сегодня весь вечер буду разевать рот, как рыба. Верх элегантности и аристократизма».

– Я... – она помотала головой, не зная, что сказать и истерично хихикнула.

Он достал из кармана небольшой бархатный футляр и поставил напротив нее, ловко щелкнув замочком и открыв

его. Ольга, чувствуя себя дурой, чувствуя злость, боль, горечь, подступающие к горлу рыдания, от того, что ничего уже нельзя исправить, все кончено и обратной дороги нет, судорожно всхлипнула, как ей показалось на весь зал ресторана. Но, вероятно, это просто разыгралось воображение. Северцев ничего не заметил.

– Выходи за меня, – сказал он, почти равнодушно. Она молчала. – У тебя будет все, что захочешь, – он пожал плечами. – Все, что в моих силах, ты будешь иметь. И дети тоже. Она, наконец, закрыв рот, печально посмотрела на него. – Нет. – Она слегка качнула головой. – Нет, Игорь.

–
Она уходила по коридору, ведущему к выходу на взлетное поле. Маленькая, тоненькая фигурка. Со всех сторон ее обступали и то и дело загораживали другие пассажиры. В какой-то момент она скрылась за чужими спинами и больше не появлялась. Он еще немного постоял, но так и не увидел ее больше. «На х...», – мысленно выругался он и пошел к выходу.

Ольга прошла к своему месту. Боли все еще не было. Только тоска и, сжимающее грудь, не дающее нормально дышать, ощущение потери и безвозвратности. Она ни за что не поедет сюда больше. Если после четырех дней так невыносимо трудно расстаться, то, что будет, если провести вместе целое лето или хотя бы даже месяц? Слезы сбегали по ще-

кам, но она не замечала их.

—

Вернувшись домой, он сходил в подвал и принес ящик вина. Потом снова спустился и принес еще один. В третий раз он забрал весь имеющийся коньяк и несколько бутылок водки, все, что было. Устроившись на диване в гостиной, он расставил все, что принес, вокруг себя. Завтра, когда он проснется, он даже не заметит, что ее нет. Ему будет абсолютно на это наплевать.

Пару часов спустя, в гостиную заглянула Элени.

— Матерь божья, что это вы делаете?! — возмущенно и в то же время испуганно закричала гречанка. На полу валялись две пустые бутылки из-под вина. Перед русским стояла открытая третья и почти пустая бутылка коньяка.

— Убирайся! — заорал он и швырнул полупустой бутылкой вина в стену. По светлой краске расплзлось большое темно-красное пятно.

Постояв немного, Элени плюнула и ушла. Сумасшедший! До чего же эти русские странные и непонятные люди! Если им хорошо вместе, чего не жить, когда все для этого есть? Зачем терзать себя какими-то глупыми переживаниями? А он, ее хозяин, совсем болван, самый настоящий. Глупец. Женщина, которая его любит, которую любит он, сама к нему приехала, а он — взял и отпустил ее. Настоящий глупец! А теперь будет сидеть и пить, до умопомрачения. Топить свое горе в выпивке. А горе-то — он сам. И никакая выпивка тут

НЕ ПОМОЖЕТ.

Глава 8

Инна выпорхнула из комнаты следственной группы. Она уже почти дошла до выхода на улицу, когда дверь распахнулась, и навстречу ей вошел Дмитрий Рогозин. Инна замерла, застыла как каменное изваяние. В сердце начал заползать неприятный холодок.

– Инна?! – Рогозин изумленно посмотрел на бывшую девушку.

– Что ты тут делаешь?! – придушенным голосом спросила Инна.

– Работаю.

– Что?! – Инна заморгала, чувствуя, что сейчас ей просто станет дурно.

Рогозин пожал плечами.

– Если ты еще не забыла, я полицейский, – с некоторой долей сарказма сказал он. Инна была сегодня какой-то странной. Дерганой, что ли.

– Ты участковый в Хороводово. А это прокуратура. Какого черта ты здесь делаешь?! – гневно сказала она. Бывший ухажер широко улыбнулся. Во дает! Ситуация хоть и была странной, но начала забавлять его.

– Андреева, ты совсем спятила? Я здесь по работе, документы привез. Не понимаю, что тебя так разволновало. Нервишки шалят? И вообще, сама-то ты тут, что делаешь? Это

же прокуратура! – передразнил он.

Щеки у нее вспыхнули. Большие глаза казались просто огромными, от охватившего ее волнения, удивления и легкого чувства досады и злости. И еще от того, что она сама себя поставила в глупое положение.

– О, Димон, здорово! Ты еще не ушла? Вы, чего, знакомы?

К стоящим друг напротив друга Инне и Рогозину, подошел широко улыбающийся Валера Шерстюк. Он с некоторым удивлением посмотрел на них, а потом хлопнул себя по лбу.

– Вот я, кретин! Ведь дом твоей мамы в Хороводово, – он радостно засмеялся.

– Да, мы с Инной Олеговной старые знакомые, – ехидно сказал Рогозин. – Так, стало быть, это ты счастливчик? Поздравляю. Теперь понятно, чего Инна Олеговна такая вся взбудораженная! Даже, можно подумать, слегка не в себе. А это просто любовь на нее так действует. Девушка после встречи с ненаглядным идет. От чувств-с перевозбудилась, – вовсю веселился Рогозин.

Валера снова расплылся в улыбке. Конечно, участковый, возможно, несколько фамильярно высказывается, но он парень простой, может привык так общаться. Да тем более они с Инной давние знакомые. Валера нежно посмотрел на Инну, зардевшуюся, вероятно от смущения. Надо же какая она оказывается стеснительная, а он и не замечал. Сердце следователя переполнила любовь и нежность. Как же ему все-таки

повезло!

Инна же в это время, почти с ненавистью смотрела на бывшего воздыхателя, жалея, что не может убить его сей же момент. Молодой участковый вконец раззадорился.

– Мне Ярик про свадьбу сказал. Может, конечно, секрет раскрыл, но ребенок, чего с него взять. Он мне даже еще один секрет рассказал!

Валера с интересом посмотрел на Рогозина. А Инна сделала страшные глаза, пытаясь силой мысли внушить, что если он сейчас же не заткнется, то она плюнет на то, что они находятся в управлении прокуратуры, и все же убьет его.

– Какой секрет? – улыбаясь, спросил Валера, сгорающий от любопытства и нетерпения. Для него напряжение между участковым из Хороводово и его невестой осталось незамеченным. Состояние влюбленности, несколько притупило профессиональную наблюдательность.

– Никакой, – буркнула Инна. – Ярик всегда бред всякий несет.

Не обращая на нее внимания, Рогозин весело сказал:

– Ну, ты, брат, извини, секрет на то и секрет, чтобы о нем никто не знал, как я могу чужие тайны выдавать? – он радостно подмигнул Инне, стоящей с решительным и кровожадным выражением лица. – Может, конечно, Инка сама тебе проболтается. А если уж совсем невтерпеж будет узнать, что за секрет, – он хитро подмигнул, теперь уже Валере, – ты у Ярика спроси.

«Интересно, если придушить заодно и Ярика, мама очень сильно рассердится?» – злобно подумала Инна, собираясь вечером, если и не совершить смертоубийство мелких вредителей, причем обоих сразу, то, по крайней мере, провести серьезную воспитательную беседу с применением страшных угроз и, возможно, даже парочки тумачков.

– Инн, нам с Димой по работе кое-что сделать нужно. Мы пошли, ладно?

Если бы в ее власти было запретить им делать хоть что-то вместе, хоть по работе, хоть нет, она непременно запретила бы. Любое общение между ними пресекла бы на корню. Но, увы, таких полномочий и таких возможностей у нее не было, и ей пришлось оставить их один на один, умирая от страха и ужаса, что там еще может наболтать про нее, получивший отставку, бывший поклонник, который сегодня явно был в ударе. «Черт! Черт! Черт! Почему именно сюда ему нужно было привезти свои дурацкие документы? Что за хрень?!» Кипя негодованием и злостью, взвинченная и раздраженная Инна покинула управление прокуратуры. «Придется рассказать Валерке про Рогозина, если к тому моменту, когда мы сможем поговорить, он вообще еще захочет со мной знать-ся», – промелькнула в мозгу первая, хотя бы отчасти, разумная мысль.

До тех пор пока через пару часов не позвонил Валера, она не находила себе места. Разыгравшееся воображение рисовало всякие страшные ужасы. Он наслушается Димкиных

рассказов и передумает жениться, и решит, что она ему не подходит и бросит ее, и разлюбит. И выскажет ей, какая она ужасная, жестокая, коварная. И возненавидит ее. И будет вообще жалеть, что связался с ней.

Инна даже попыталась поделиться переживаниями с Антоном, братом близнецом. Который, по факту пребывания, еще до их рождения, в течение девяти месяцев в непосредственной близости с сестрой, просто обязан всячески поддерживать, утешать и оберегать ее. Быть опорой, стеной, жилеткой, другом, спасителем. Но брат весьма легкомысленно, а точнее, просто наплевательски отнесся и к своим обязанностям, и к отправленному ею посланию, в котором она сообщила, в какой ужасной ситуации, напрямую угрожающей, счастью всей ее дальнейшей жизни, она оказалась. «У меня через пять минут строевая. Если у тебя, кроме этой фигни, ничего серьезного, то мне некогда». И смайлик. Подмигивающая рожица. Инна с ненавистью посмотрела на подмигивающего желтого колобка, с идиотской улыбкой. «Вот зараза! Кроме этой фигни!» Жаль, что подлый, бесчувственный, бессердечный близнец находился вне ее досягаемости. Ему бы сегодня тоже досталось, за компанию с младшими братьями.

– Привет! Я сегодня задержусь. Справишься там с братишками без меня? – весело и как всегда нежно, без тени ненависти и презрения, спросил жених, который, по-видимому, вовсе не собирался ее бросать, по крайней мере, пока.

– Конечно. Позвони, когда поедешь, – не веря своему счастью, сказала она.

– Конечно. Димон сказал, что мне очень повезло. Хотя я и сам знал, – гордо сказал, все еще влюбленный и не разочаровавшийся, будущий муж. – Я тебя люблю.

– Я тебя тоже.

Она обязательно расскажет ему про роман с Рогозиным. Не хочет она ничего скрывать. Он такой замечательный. А от секретов одни неприятности и лишние переживания. И перед Димкой она извинится, за то, что так некрасиво повела себя, да еще подозревала его в подлом коварстве, хотя прекрасно знает, что он не такой. А сама она глупая, эгоистичная и подозрительная. Но вот маленького болтливого паразита, младшего брата она, как следует проучит! Она чуть с ума не сошла из-за этого паршивца, вечно выбалтывающего все и всем.

– Дим, привет.

– Привет, – несколько удивленно ответил Рогозин.

– Извини меня, пожалуйста.

– Да ладно, тебе не за что извиняться, – ей показалось, что голос у него слегка дрогнул.

– Есть за что. Прости. Я себя вела как дура.

– Когда именно? – хохотнул он. – Да все нормально, Инн.

Правда.

– Ладно. Просто хотела знать, что ты не обижаешься...

– Я рад за тебя. И Валерка отличный парень. И ему повезло...

Она вздохнула. «Ты тоже отличный парень, просто у нас не сложилось. Так бывает». Она не стала этого говорить. Ни к чему человеку лишний раз травить душу.

– Фотку в скафандре пришлешь? – закатился Рогозин. – Ярик, конечно, выдал твою тайну. Но я больше никому не скажу, можешь на меня положиться.

– Вот, мелкий засранец! – прошипела Инна. Рогозин хотел, и она не выдержала и тоже рассмеялась.

– Удачи тебе, – сказал, отсмеявшись, бывший возлюбленный. – Был рад тебя увидеть. И не слишком там сурово с братом. Я ведь и проверить могу прийти.

– Тогда можешь сразу наручники захватить, – хмуро сказала Инна. – Потому, что я его точно приблю.

– И, что за фигню ты болтаешь?! Чего, вообще, за привычка, вечно свой рот открывать везде! – Инна гневно сверкнула на брата глазами.

– Фигня – это плохое слово. Мама ругается, когда я его говорю, – сказал Ярик и снова повернулся к экрану телевизора. Чхать он хотел на Инкины нравоучения.

– Сколько раз тебе говорить, что бы ты держал свой язык за зубами и не нес всякий вздор? Ты слышишь, я с тобой разговариваю! А ты не хихикай там! Оба у меня получите! – крикнула старшая сестра.

– Отстань! Мы кино смотрим.

Инна взяла пульт и выключила телевизор.

– Все. Посмотрели!

– Включи! Я скажу маме, что больше не хочу с тобой оставаться! Ты противная гадюка!

– Ха! Я просто не переживу, если мне больше не придется сидеть с двумя вредными засранцами! Да я сама больше с вами не останусь! Ни на один день! А ты, если еще раз будешь про меня болтать что попало, так я знаешь, что сделаю... – Инна вдохнула полную грудь воздуха, в попытке придумать для младшего брата угрозу пострашнее.

– Лопнешь? – спросил Ярик. Сережа закатился от смеха, Ярик присоединился к нему и они оба повалились на диван.

– Идиоты!

– Это тоже плохое слово! Мама и его не разрешает...

– Заткнись!

– И это плохое слово!

–

– Как вы тут справились? – целуя детей по очереди, спросила Ольга.

– Ну, ты же знаешь, они идеальные дети. Все было прекрасно. Даже жалко, что так мало! Дети – это такое счастье!

– Сарказм? – улыбнулась мать.

– Ну, что ты? Это два ангела. Какой может быть сарказм, – Инна сердито зыркнула на братьев.

– Ну, в двадцать лет ты бы сама могла уже вести себя

как взрослая, а не как ровесница одного из ангелов, причем не знаю какого из двоих, – усмехнулась Ольга. – Но, я тебе очень признательна, что ты с ними посидела. И, что оба живы и даже целы, а не прибиты любящей старшей сестрой.

Ольга протянула надувшейся по поводу того, что она «могла бы вести себя как взрослая», Инне пакет с подарком, купленным Северцевым.

– Не знаю, что там. Так что мне самой любопытно, – сказала она, но голос у нее был невыразительный, особого интереса и желания узнать, что там, в пакете, она явно не испытывала. Инна, в отличие от матери, хоть и сгорала от нетерпения, заметив ее реакцию, на время забыла про подарок. Она внимательно посмотрела на мать. Та выглядела расстроенной. Под глазами залегли темные тени, лицо бледное, а глаза такие грустные, как будто она не только что с отдыха вернулась, а долгое время тяжело болела и еще никак не отойдет от болезни.

– Мам, у тебя все нормально? – встревоженно спросила старшая дочь, иногда все же умеющая вести себя как старшая.

Ольга кивнула на пакет.

– Давай, не томи. У меня все прекрасно.

Инна достала длинный плоский футляр.

– Ааа! Мама! Смотри! Смотри! Боже! Боже! – верещала дочь, подпрыгивая от переполнивших ее эмоций. Она бережно достала золотое кольцо, сверкающее и переливающееся

ся бриллиантами и рубинами.

– Да, у кого-то с головой явно не в порядке, – сказала Ольга. – Ну, вероятно, это свадебный подарок.

– Оно такое! Боже!

Мальчики, не обращая внимания на восторги сестры, по поводу какой-то дурацкой блестящей ерунды, пыхтели в углу над своими подарками. Шуршали бумажками. Нетерпеливо разрывали картонные упаковки.

Через пару минут комнату наполнили нескончаемые восторженные вопли, каждый из которых был раз в пять громче и продолжительнее того, который перед этим издала Инна. «Ну, вот прекрасно. Все счастливы. Что еще нужно матери?» – глядя на детей подумала Ольга. В душе была беспросветная тоска, которую, к сожалению, невозможно излечить ни каким количеством даже самых замечательных подарков.

– Айкуша, тебе я ничего не привезла. Прости, дружок, – она погладила подошедшего к ней пса. Лизнув руку, он положил морду на ее колени и преданно посмотрел в глаза. – Но, ты и так меня любишь, бескорыстная песья душа, я знаю, мой хороший.

Ольга обвела взглядом просторную гостиную. Посмотрела на радостные лица детей. «Как-нибудь я справлюсь. Один человек не может заменить целый мир. Все пройдет. Несколько дней, и все забудется...»

Глава 9

Квартира была маленькая и грязная. Насквозь пропахшая перегаром и сигаретным дымом. Каждый день в ее стенах происходили скандалы, порой переходившие в потасовки и настоящие драки. Игорь привык не обращать внимания, не замечать, что творится вокруг. Когда становилось совсем невмоготу – он убегал. Ночевал в подвале. Устраивался на теплых трубах, сворачивался калачиком и слушал, как шумит вода. В углах то тут, то там что-то шурило, возможно, мыши устраивали возню. Иногда приходил какой-нибудь бездомный кот. Устраивался рядом, и они вместе засыпали под шум воды и шуриание. Иногда он не возвращался домой по два, по три дня. Когда приходил назад, там все было тоже самое, как и перед его уходом. Мать обычно не замечала, что его нет. Если все же замечала, начинала орать, иногда драться. Тогда он снова уходил.

Бывало, что кто-то из ее ухажеров колотил его. Мать не вмешивалась, не пыталась заступиться. Она и сама то и дело ходила с фингалом или разбитой губой, или распухшим носом.

Он ненавидел всех ее мужиков – вечно пьяных, матерящихся, больше похожих на животных, чем на людей. И ее ненавидел. Не за то, что она тоже почти всегда была пьяная, ничего не соображающая. И не за то, что могла избить

его до синяков или позволить сделать это очередному любовнику. Ее он ненавидел за то, как она висла на этих скотах, позволяя им вытворять, что угодно. Униженно цеплялась за очередного кавалера, которому она надоела, и он решил от нее уйти.

В памяти, порой, всплывало расплывчатое воспоминание – мать смеющаяся, красивая, в нарядном платье. Она держит его за руку, что-то ласково и весело говорит, и они идут куда-то. В какое-то приятное, интересное место. Но куда именно он не помнил. Только мать, окруженную ярким солнечным светом. Возможно, они куда-то ходили, когда он был совсем маленький. Когда отца еще не посадили, а мать не начала пить и не опустилась. Отца он совсем не помнил. Из тех времен в памяти остался только этот маленький обрывок. Как фотография в альбоме.

Он был ужасно худой. Вечно голодный. Вечно грязный. Хуже всех одет, не только в классе, но, вероятно, во всей школе.

Однажды он пробрался в школьную столовую и съел все котлеты, приготовленные на обед. Повариха подняла страшный ор. Учительница вызвала мать в школу. Мать, естественно, не пришла. Он даже не стал ей говорить. Да она, навряд ли и поняла бы в том состоянии, в каком она пребывала вечером того дня, что от нее требуется. На следующий день после уроков учительница спросила, когда при-

дет мама. «Она не придет», – сказал он. Учительница внимательно посмотрела на него, а потом взяла его за руку и повела к себе домой. Она накормила его обедом. Вкус горячих щей с ароматным свежим хлебом он запомнил на всю жизнь. После обеда она помогла ему сделать уроки. К ней кто-то пришел, и она вышла из комнаты. На трюмо лежали деньги. Десятка, три рубля и мелочь. Он взял трешник и сунул в карман. Решил, что купит мороженого, сигарет и еще чего-нибудь вкусного. Может пирожных или конфет. Учительница ничего не заметила, или сделала вид, что не заметила. Он ушел. Дошел до палатки с мороженым. Постоял, выбирая, какого мороженого и сколько взять.

– Какое тебе, мальчик? – спросила мороженица.

– Никакое, – сказал он, убирая деньги в карман. После этого он долго ходил по улицам. Просто так, без какой-либо цели. Когда он позвонил в дверь, было уже почти одиннадцать вечера.

– Игорь! Ты что так поздно здесь делаешь? – изумленно сказала учительница. – Твоя мама знает, где ты? Она, наверное, волнуется...

– Возьмите, – сказал он, протягивая ей три рубля. – Я взял, когда Вы вышли из комнаты.

Она грустно посмотрела на него.

– Оставь себе. Купишь мороженое.

– Не хочу я мороженого! – крикнул он. – Не люблю, терпеть не могу. Заберите деньги!

Она взяла протянутую трешку, и он убежал.

Пару раз мать пыталась «завязать». Она переставала пить. Прибиралась в квартире. Стирала и гладила одежду. Готовила обед. Даже как-то сходила с ним в кино. В первый раз она продержалась неделю. Он даже поверил, что все теперь наладится, будет по-другому. Как раньше. Радовался. Ходил счастливый. После уроков бежал домой. Даже домашнюю работу делал, что бы порадовать ее хорошими оценками. Через неделю она запила. По-черному. Появился новый «кавалер». Совсем уж какой-то опустившийся алкаш. Вторая «завязка» длилась три дня. Игорь уже не радовался. И не верил, что все наладится. Просто ждал, сколько времени продлится трезвая спокойная жизнь. Когда он вернулся домой и услышал из кухни пьяные голоса, он развернулся и ушел. Два дня ночевал в подвале, потом пришлось возвращаться.

Когда ему было двенадцать, очередной материн любовник набросился на него с кулаками. Он сильно побил его, и Игорь схватил нож и бросился на него. Мать заорала. Повисла у сына на руке. А мужик ударил его так, что он потерял сознание. Очнулся в больнице. К делу подключилась милиция. Соседи, слыша совсем уж страшные крики, позвонили в отделение. В конце концов дело дошло до суда. Мать лишили родительских прав.

В детдоме было еще хуже, чем дома. Его били каждый

день. Он отбивался яростно, в нем кипела ненависть. Но нападали обычно не по одному, а человека по два, по три. В конце концов его валили на пол и били ногами. Спустя какое-то время он перестал дожидаться, пока его начнут бить. Стал нападать сам. Первым. Бил изо всех сил и куда придется. Его стали бояться. Воспитатели то и дело отправляли его в «карцер» – маленькую комнату без окон, запираемую на замок, в которую сажали самых отъявленных хулиганов. Но детдомовцы, даже старшие, перестали его задирать. Больше его никто не трогал.

Северцев открыл глаза и потянулся за бутылкой. Коньяк и водка давно закончились. Осталось только вино. Но и вино сойдет. Он налил полный бокал и выпил залпом. Он не хотел ни о чем вспоминать. Ни о хорошем, ни о плохом. Вообще ни о чем. Он вообще ничего больше не хотел. Если бы можно было напиться и забыться раз и навсегда.

– Посмотрите! Посмотрите, что этот безумный натворил! Посмотрите, до чего он себя довел!

Он повернул голову в ту сторону, откуда раздавался голос. В комнате были Элени, Костидис, Такос и доктор.

– Посмотрите! – снова повторила гречанка, обводя рукой разгромленную гостиную. Пол был засыпан осколками стекла и керамических ваз. Стулья валялись разломанными. На экране огромного телевизора, чуть ли не во всю стену, виднелась большая вмятина. Повсюду валялись пустые бутыл-

ки. – Я пыталась его остановить. Но разве он послушает. Ведь в гроб сам себя вгонит! – причитала Элени, прижимая руки к пышной груди. – А сегодня совсем обезумел. Все разнес! Как дикий зверь метался по комнате. Кричал. Матерь божия. Я перепугалась до смерти.

Северцев обвел незваных гостей мутным взглядом налитых кровью глаз.

– Чего приперлись?! Убирайтесь! Пошли вон! Все на х... отсюда! – заорал он. Элени всхлипнула. – Не желаю никого видеть! Чего встали?! Уе...! Вон отсюда!

– Видите! – гречанка схватила врача за руку. – Он сошел с ума. Лишился рассудка. Больше недели пьет. Ведь и впрямь допьется так до смерти. Доктор, умоляю...

Она заплакала, уткнувшись лицом в передник.

– Такос, давай-ка, помоги. Нужно его подержать, я сделаю укол, – сказал врач и решительно шагнул к, впавшему в буйство, хозяину дома.

– Ааа! Суки! – орал, находящийся в невменяемом состоянии, Северцев, вырываясь из здоровенных ручищ сына служанки, пока доктор делал ему успокоительный укол. – Убью, твари!

Несколько минут спустя, он затих.

Со стены на разгромленную гостиную смотрели два Игоря Северцева. Один взирал с радостным восторгом слабоумного дурачка, улыбаясь до ушей и тараща глаза. А второй искося поглядывал со злобным злорадством и удовлетворением,

кривя рот в насмешливой ухмылке, всем своим видом выражая одобрение. Казалось, что даже крылья у него за спиной встопорщились от радостного возбуждения при виде того, что устроило его живое воплощение.

Взглянув на картины, Элени в сердцах сплюнула. В этот момент ей показалось, что они и впрямь отражают истинную сущность ее хозяина. Причем обе.

Виновник случившегося, «герой дня», дебошир, впавший в буйство и временное помешательство, мирно спал на диване, пребывая в мире странных, бессвязных видений, навеянных действием лошадиной дозы успокоительного.

Глава 10

4 года назад.

Яхта была шикарная. Как в кино. Не слишком уж большая, но вполне себе ничего, а уж для однодневной прогулки по реке, так просто супер.

Поручив старшим детям присматривать за Сережей и Яриком, Ольга подошла к шезлонгу, поставленному на палубе. Рядом в другом шезлонге развалился Северцев. Он что-то лениво потягивал из стакана. На глазах темные зеркальные очки. В этот момент он был вылитый Челентано. Ольга улыбнулась. Устроившись в шезлонге, она прикрыла глаза, подставляя лицо солнечным лучам.

– Как тебе яхта? – спросил Северцев.

– Класс! – Она улыбнулась. – Твоя?

Он рассмеялся.

– Нет. На хрен мне яхта в Москве, да и вообще? И слишком дорого. Я, все-таки, не Рокфеллер. Напрокат взял.

Несколько минут они лежали молча. Яхту чуть покачивало. Ветерок приятно обдувал лицо. В отдалении слышались радостные голоса детей. Было хорошо вот так лежать. Даже двигаться и разговаривать было лень. Наконец, Северцев, не любивший долгого бездействия, нарушил молчание.

– А ты бы хотела яхту?

Ольга засмеялась. Вопрос, как и все, что исходило от Се-

верцева, был неожиданный.

– Не знаю. Нет. Что бы я с ней делала? – она развеселилась. – А что, хочешь подарить?

Она даже не поленилась повернуть голову, что бы посмотреть на его реакцию. Он широко улыбался. Куда он смотрит, за темными очками определить было невозможно.

– Нет, не хочу. Перебьешься без яхты. Если понравится, могу еще, как-нибудь, на прокат взять. Еще покатаемся.

– Так я и знала. Останусь я без яхты.

Северцев загоготал.

Прогулка, как всегда, была неожиданной. Просто в выходной день, с утра, Северцев позвонил и спросил, не хотят ли Ольга и дети прогуляться по Москве реке. У детей предложение вызвало бурный восторг. Ольга думала, что подразумевается прогулка на речном трамвайчике. Ей нравилось на них кататься.

Когда они подъехали к причалу, и увидели внушительную, белоснежную, сверкающую на солнце, надраенными до блеска, поручнями, настоящую яхту, дети чуть не повыпрыгивали из машины на ходу, от охватившего их восторга и нетерпения. Ольга на несколько секунд лишилась дара речи. А Северцев сидел страшно довольный, улыбаясь во весь рот своей людоедской улыбкой.

– Чего застыла? Давай, вытаскивай свой зад из машины, мамаша, – скомандовал он.

Ольга посмотрела в окно. Капли дождя сбегали по стеклу, оставляя мокрые дорожки. Мир за пределами комнаты казался серым, унылым, неудобным и промокшим насквозь. Природа плакала, не желая прекращать этого занятия, наводя тоску.

Ольга покосилась на телефон. Просто по привычке. Она отвернулась. Какой смысл ждать чего-то. Думать о чем-то. Бесплезное, ненужное занятие.

Апатия. Безразличие ко всему. Ничего не трогает. Ничего не беспокоит. Нет никаких желаний. Не мучают воспоминания, не терзают душу мысли о будущем. Прекрасное состояние. Никаких мыслей вообще нет. Настоящее – это просто дождь, льющийся за окном, стекающий по стеклу. Тиканье часов и комната, погруженная в полумрак. Хочется просто лежать. Не двигаясь, ничего не предпринимая. Это приятно. Тебя затягивает, погружает в ничто, в полное бездействие. Как будто ты паришь в пустом пространстве, лишенном красок, звуков, эмоций, движения. Жизнь – это суета, это боль, страдания, ненужные переживания. А здесь в этом мире покой и тишина. Можно остаться в нем надолго. На все оставшееся время.

Когда месяц назад она вернулась, она решила, что ей нужно как-то прожить первые несколько дней. Выдержать. А потом будет легче. Боль пройдет. Все понемногу забудется.

Боль прошла. На смену ей пришло безразличие и равнодушие. Жизнь без эмоций – это прекрасно. Дни просто проходят. Один за другим. Не оставляя в душе следа и воспоминаний.

«Кап. Кап. Кап», – слышится монотонная песня дождя. Кап. Кап. Кап. Так же монотонно проходит время. «Я ничего не хочу» – медленно и равнодушно повторила она про себя, уже раз в сотый. Эта мысль была даже немного приятной. И она была единственной. Она не мешала и не напрягала. Она просто всплывала время от времени в голове, не причиняя неудобств. Голова казалась набитой ватой. И тело тоже. Двигаться не хотелось. Хотелось просто лежать. Всю оставшуюся жизнь.

– Мам! Можно мне шоколадку?

– Мам! Мне на завтра нужна белая рубашка. Ты не забыла? А ты сможешь прийти на концерт? Я буду стих читать.

– Мам, где мой альбом для рисования? Нам задали нарисовать цветущее дерево. Ты мне поможешь?

– Мам, он опять забрал мои журналы и порвал!

– Сережка дерется и обзывается! Мам!

Ольга заставила себя встать с постели.

Конечно, хорошо, что у детей нет апатии, они жизнерадостны и энергия бурлит и переполняет их, как всегда. Но единственное, чего бы хотелось ей – чтобы ее просто оставили в покое.

– Сейчас иду! – крикнула она и, шаркая ногами, как ста-

рушка, поплелась к двери из комнаты.

Как и раньше, утром она вставала. Кормила детей завтраком. Везла их в школу, сама ехала на работу. Вечером они возвращались. Дети что-то радостно щебетали. Айк крутился рядом, радостно махал хвостом, тыкаясь в ладони и в колени носом. Ольга слушала рассказы детей о том, как у них прошел день. Гладила собаку. Кормила всех ужином. Играла с мальчиками, читала им. Но ей все время казалось, что все это не настоящее и что она смотрит на все со стороны. Душа, как будто впала в спячку. Она понятия не имела, сколько это может продлиться. Может она останется такой навсегда? Бездушной. Бывают инвалиды, у которых нет руки или ноги. А она инвалид, у которого нет души. Что тут такого? Вполне можно жить и так.

Глава 11

– Ольга Сергеевна!

– Привет, – Ольга прошла мимо помощницы и бросила сумку на свой стол.

– Ольга Сергеевна, у нас новый заказчик. Хороший. В смысле большой объем работ собирается заказать, – радостно сообщила ее помощница Ира.

– Отлично, – довольно равнодушно сказала Ольга. Она все же выдавила из себя улыбку. Сотрудники-то не виноваты, что она теперь «отмороженная», инвалид без души. – Отправь кого-нибудь из ребят, Женю или Толика. Они здесь, надеюсь?

Творческие сотрудники страдали непунктуальностью. Приход на работу к началу рабочего дня считали не обязательным, а скорее просто желательным. И вполне могли «задержаться» на час или даже два. Ольга журила нерадивых художников, но не слишком строго. Главное, чтобы работу хорошо выполняли, а трудовая дисциплина, это в их деле не самое основное требование.

– Ольга Сергеева, – Ира немного смущенно посмотрела на Ольгу, – заказчик потребовал, вернее сказать очень настойчиво попросил, что бы Вы сами к нему приехали и посмотрели, что нужно сделать.

Ольга усмехнулась.

– Хорошо, что хоть попросил, а не приказал. А президента с собой пригласить не нужно? А то, может, я позвоню, скажу, заказчик у меня привередливый, нужно съездить к нему, посмотреть.

Видя, что начальница не в духе, Ира, с подкупающей улыбкой, выдала главный козырь.

– Ольга Сергеевна, он предоплату сделал. – Ира развернула к Ольге монитор, чтобы ей была видна сумма предоплаты. Сумма была приличная. Ольга улыбнулась. Ира сидела, затаив дыхание, молясь про себя, чтобы она не уперлась, из вредности, и согласилась поехать. А то вдруг накроются хорошие деньги, которые никому из них не помешают. Времена нынче не те, что бы деньгами разбрасываться.

– Ну, что ж. Желание клиента, как говорится, – сказала Ольга. – Деньги на дороге не валяются. Да и вы, мои дорогие, прожорливые сотрудники, наверняка, хотите получить в конце месяца хорошие бонусы. Раз человек хочет потратить такую сумму, разве мы можем помешать ему сделать это? Съезжу к нему, чего уж там.

Ира радостно выдохнула. Ура! Она купит себе новый телефон. Тьфу, тьфу, тьфу!

– Напиши мне его адрес. Сейчас, кофе попью и поеду удовлетворять запросы богатенького буратино.

Ира протянула листочек с адресом.

– Это то ли элинг, то ли какая-то постройка у реки. Я не совсем поняла, – немного виновато сказала она.

– Совсем уже все спятели. У кого-то денег на хлеб не хватает, а кто-то роспись эллингов заказывает, – проворчала Ольга, не понимавшая и не одобрявшая причуды богатых, граничащие с идиотизмом. – Скоро начнут просить на дорогах картины рисовать. Чего по серому асфальту или по голым камням ездить? Пусть под колесами будет картинная галерея.

–

Ольга подъехала к набережной. Моросил мелкий противный дождик. Погода не желала налаживаться. Она пожалела, что надела туфли на высоком каблуке. Она же никак не предполагала, что ей придется по набережной скакать и эллинги богатого чудика осматривать. Она включила сигнализацию и направилась к реке, стараясь обходить глубокие лужи. При одной из таких попыток не нырнуть, каблук попал в щель в асфальте, и Ольга едва не свалилась. «Черт бы побрал этого любителя живописи и этот дождь, и вообще все!» Взглянув на каблук – как там он пережил происшествие с дырой в асфальте, она осмотрелась по сторонам в поисках эллина или, что там еще нужно будет расписать.

На воде покачивалась яхта. Та самая. С палубы, улыбаясь, смотрел Северцев. Ольга встала как вкопанная, чувствуя, что левой ногой стало мокро, она наступила ею в глубокую лужу. Но сейчас ей было все равно. Она чувствовала, что выражение лица у нее дурацкое, но это тоже не волновало ее. Она смотрела только на высокую темноволосую фигуру.

– Она не моя, – крикнул он. – Я все еще не Рокфеллер. Снова взял напрокат. Даже скидку выбил. Погода-то – дерьмо. Кто ж будет на яхте кататься в дождь?

Он спрыгнул на берег и подошел к ней.

– Но, если ты хочешь, я могу продать все, что у меня есть и купить ее.

Он притянул ее к себе и уткнулся носом во влажные от капель дождя волосы.

– Фу, какая ты мокрая и холодная, как лягушка! – сильнее прижимая ее к себе, сказал он.

Она засмеялась, чувствуя, что сердце сейчас выскочит из груди. Обхватив его руками за шею, она спросила:

– Это яхта так дорого стоит или у тебя так мало всего есть?

– Яхта дорого стоит. Покупаем?

– Нет. Всегда можно взять ее напрокат. Зачем продавать все?

Они смотрели друг на друга, не отрываясь. Их обоих переполняла радость.

– Я присмотрел дом в Англии, – сказал он.

– Тебе надоел твой остров?

– Нет. Но ты же не согласишься поселиться на греческом острове. Ты сама сказала, что детям нужно учиться. Думаю в Англии полно школ.

Она улыбнулась.

– Не хочешь жить в Англии, можно найти другое место. Я же не купил яхту, так, что могу позволить себе дом или

квартиру. Скажи, где бы ты хотела жить. И поедем туда.

Она молчала, и он легонько встряхнул ее за плечи.

– Да черт с ним. Можем жить в России, пока на меня опять не наедут. Только не говори – нет!

Она прижала ладони к его щекам и поцеловала.

– Поедем домой. Мы же можем подумать о том, где жить. Не обязательно прямо сейчас принимать решение.

Он широко улыбнулся.

– А может... – он многозначительно посмотрел в сторону яхты. – Новые впечатления. Романтика... Здорово, наверное. Я сам ни разу не пробовал.

– Боже, какой вы господин Северцев однако испорченный тип, – притворно-стыдливо опустив глаза, сказала она.

Дети без умолку болтали на заднем сидении. Северцев свернул на дорогу, ведущую к дому.

– Может, устроим чуть попозже фейерверк? – ухмыльнулся он.

Ольга покосилась на него.

– Хочешь порадовать соседей своим возвращением? Я слышана о твоих прежних шалостях. Как ты тут развлекался.

Он загоготал.

– Ладно уж. Пусть Хороводово спит сегодня спокойно.

Машина остановилась. Мальчишки выскочили и побежали к дому. Он удержал Ольгу, собравшуюся тоже выйти.

– Ты мне так и не ответила. Каким будет твой ответ на

этот раз?

Она наклонилась к нему и заглянула в темные, опаляющие горящим в них пламенем глаза.

– На этот раз, мой ответ – да.

–

Греческий остров, дом в Англии, яхта, огромный дом в Подмосковье – всего этого может не быть. Это всего лишь декорации, не имеющие никакого смысла и значения, если нет самого главного.

Можно построить хоть космический корабль, или купить себе целый остров, а то и два, если позволяют средства. Лишь простое человеческое счастье нельзя купить за все блага мира. Оно бесплатно и оно бесценно. Главное об этом не забывать...

Почему получается так, что мы вдруг понимаем, что именно этот человек нужен нам? Что никто другой в целом мире не сможет наполнить нашу жизнь такой полнотой красок, такой же глубиной ощущений. Кто же знает.

Это не химия и не психология, это что-то свыше. Необъяснимое и загадочное. Тайны космоса, загадки глубин океана, можно, в конце концов, изучить, познать. Тайны и загадки души – никогда. Всегда останется что-то, неподвластное нашему пониманию, не поддающееся логике. Что-то необъяснимое. Самая большая тайна – это мы сами и чувства, которые мы испытываем.

